

ЕКАТЕРИНА РИЗ

ДУРМАН

Екатерина Риз Дурман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051704
ISBN 9785448517372*

Аннотация

Говорят, первая любовь приходит и уходит. Оставляет после себя приятное послевкусие, а иногда горечь. Проходят годы, но в душе остаётся червоточинка от той самой первой и сильной любви, закончившейся трагически. Тебя когда-то предали, а ты всё равно, спустя годы, скучаешь по тому человеку и по своим разбитым мечтам... Вот у Иры так всё и случилось. Жизнь сложилась, в том числе и семейная, а потом случайная встреча, и она не в силах удержаться от безумства, которое снова меняет всю жизнь.

Содержание

– 1 —	5
– 2 —	40
– 3 —	121
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Дурман

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4485-1737-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если в Лондоне светит солнце, это ещё не значит, что через несколько часов не пойдёт дождь. Это правило Ира заучила ещё два года назад, вскоре после того, как переехала. Конечно, английский климат не так сильно отличался от питерского, город, который не был для Ирины родным, но по которому она скучала не меньше, чем по Москве. Но климат климатом, а атмосфера и люди вокруг чужие, с незнакомыми привычками и воспитанием. По прошествии двух лет со многим свыклась, с чем-то срослась, а что-то, взятое из чужой жизни, даже полюбила. Например, дождь. Ведь легче свыкнуться, полюбить неизбежное, чем раздражаться из-за того, что изменить не в силах. А дождь — это не так плохо, порой даже романтично. Ирина часто замирала у окна, глядя на хмурое небо и мокрые улицы, на прохожих с яркими зонтами, не грустила, но вспоминала неизменно о доме. О Москве, о родителях, и рука сама тянулась к телефону, хотелось услышать голос мамы. Муж посмеивался, называл её маменькиной дочкой, а Ира и не спорила. Что в этом плохого, правда? Да, она любит родителей, и даже живя от них за тысячи километров, в другой стране, не может довольствоваться звонками раз в неделю, ей необходимо знать, что с ними всё в порядке, каждый день. Просто так получилось, что сейчас она далеко. Но Ира не теряла

надежды, что когда-нибудь это изменится. Что Мише удастся получить должность, на которую он давно рассчитывает, и они смогут вернуться в Россию. Если бы это на самом деле случилось, все были бы довольны, и муж, даже если сейчас он утверждает, что его всё устраивает, и он доволен жизнью в Европе (о таком многие лишь мечтать могут, а они уже здесь!), согласился бы с радостью, Ира была в этом уверена. Конечно, жизнь в Лондоне ему нравилась, и работу свою он любил, но её муж был человеком честолобивым, и от должности редактора многотиражного издания точно не отказался бы. Говорить об этом Миша не любил, но Ира знала, что он уже больше года ждёт подобного предложения от начальства. Это было логичным, ожидаемым продвижением по карьерной лестнице. А кто не желает своему мужу успехов в карьере? Ира очень желала, и ждала с нетерпением, когда придёт время это отпраздновать.

– Опять дождь?

Ира обернулась на голос мужа, он вышел из ванной комнаты, в одном полотенце, влажные волосы ладонью пригладил и рывком открыл дверцу шкафа.

– Да, дождь, – сказала она, разглядывая его спину. А когда Миша достал вешалку с новым костюмом и обозрел его критическим взглядом, спросила: – Ты едешь в консульство?

– Да. Надеюсь, сегодня встреча с Федяшиным состоится. Надо статью сдавать, а он постоянно переносит, для меня он занят.

Ира открыла другую створку, нашла взглядом тёмно-серый шёлковый галстук, и повернулась к мужу с улыбкой.

– Вот этот. Он прекрасно подходит к твоим глазам.

Миша хмыкнул, сунул руки в рукава рубашки, а на жену взглянул с лёгкой насмешкой.

– Кто разбирается в этом лучше тебя?

– Никто, – ответственно заявила Ира. Поправила ему воротник рубашки, встретила с мужем взглядом, и после секундного душевного замешательства прижалась губами к его губам. Отстранилась и сказала: – Сварю тебе кофе.

Дождь всё энергичнее барабанил по карнизам. Ира прошла через гостиную, прислушивалась к этому дробному стуку, и старательно задавливала в себе странную тоску. Это просто дождь и хмурое утро. А ещё приезд родителей Миши, перед которым она всегда начинала нервничать. Они женаты два года, а она всё ещё чувствует себя неловко, оказываясь со свекровью с глазу на глаз. И это опять же умиляет её мужа.

На кухне Миша появился уже в костюме. Ира увидела его и невольно улыбнулась.

– Ты неотразим.

Он хохотнул.

– Да, да, хвали меня.

– Я не хвалю, я люблю. Всё-таки увидеть тебя в костюме удаётся не часто, есть за что сказать «спасибо» консулу.

– Я ему передам твою благодарность. – Миша подошёл, руки легли на её талию, опустились на бёдра, и прижали тес-

нее. Ира рассмеялась, за шею мужа обняла, затем осторожно смахнула чёлку с его лба, оглядела критическим взглядом.

Миша насмешливо вздёрнул брови.

– Всё идеально?

– Идеально, – подтвердила она. – Если бы мы познакомились с тобой сегодня, я бы влюбилась с первого взгляда.

– Ты и так влюбилась с первого взгляда. Три года назад.

– Точно. Я и забыла.

Его пальцы сжались сильнее, он подхватил её под бёдра, а Ира снова рассмеялась.

– Что ты делаешь, Миша? Тебя консул ждёт!

– Ждёт, – он прижался губами к её груди в вырезе шёлкового халата. Затем неохотно отстранился, одёрнул пиджак. – Встретишь родителей?

– Да, конечно. – Ира поторопилась налить мужу кофе, придвинула тарелку с бутербродами, на которые Миша даже не взглянул. – Не волнуйся, я приеду заранее. Не как в прошлый раз.

В прошлый раз, действительно, неудобно получилось. Ира отвлеклась, забыла о времени и, в итоге, опоздала в аэропорт почти на час, за что чувствовала себя безумно виноватой. Конечно, родители Миши никаких претензий не высказали, но от этого было ещё хуже, они молчали, а Ире казалось, что мысленно её осуждают. Тогда и поклялась, что больше никогда подобного промаха не допустит. Но быть идеальной женой весьма трудная задача, надо сказать. Почему-то раньше,

ещё до замужества, ещё до знакомства с Мишей, она была уверена, что будет хорошей женой. Родители воспитывали её правильно, мама старалась подготовить её к семейной жизни: научила готовить, привила любовь к порядку. Учила, что мужа надо уважать, вот как она уважает и прислушивается к папе, и Ира была уверена, что никаких трудностей у неё не возникнет, ведь родителями и их отношением друг к другу, она восхищалась. Но оказавшись замужней женщиной, поняла, что всё не так просто. Она не мама, а Миша не её отец. Всё куда сложнее. А ещё есть свёкор и свекровь, для которых она лишь жена их сына, которым они безмерно гордятся и желают для него только лучшего. Ира довольно быстро поняла, что она не идеал и не мечта, для них по крайней мере. Хорошо хоть Миша был человеком самостоятельным и не был склонен слепо доверять мнению родителей и прислушиваться к ним. Да и жили они ещё дальше, чем родители Иры, в Новосибирске. В Лондон прилетали пару раз в год, и то ненадолго, на недельку, чтобы с сыном побыть. И эту неделю следовало пережить. С улыбкой на губах.

Нет, Мишины родители относились к ней хорошо, жаловаться не на что. Но Ира неизменно чувствовала, что её проверяют. Наблюдают украдкой и оценивают. Довольно неприятное чувство. Она готовила ужин, Валентина Александровна давала советы, напоминала, что Миша любит, а что нет, будто Ира, за два года жизни с её сыном выяснить этого так и не сумела; накрывала на стол, а Валентина Александровна

была рядом и опять же наблюдала, начинала вспоминать про сервис на двенадцать персон, который родители Миши им на свадьбу подарили, а они, видимо подразумевалось неблагодарные, оставили его в Москве, в коробке, в квартире Миши, даже и не подумав взять его с собой в Лондон. А как бы он пригодился здесь, для званных ужинов.

– Мы не устраиваем званных ужинов, – мягко намекала ей Ира.

Но сбить свекровь с толка было не так просто, у неё на всё было своё мнение.

– Это сейчас не устраиваете, а если Миша повышение получит? К вам будут приходить гости, солидные люди. Не кормить же их с посуды, купленной в супермаркете?

На это у Иры ответа не находилось, никогда. Оставалось лишь улыбнуться, делая вид, что согласна, и поступила глупо, не прислушавшись к умному совету раньше. А сейчас да – тарелки, купленные в торговом центре. И кекс из кондитерской. Но в этом Ира никогда не признается, даже под пытками.

И вот впереди ещё одна неделя с родственниками. Тягостная, полная осознания собственной неполноценности. Но лучше над этим посмеяться, в конце концов, не у неё одной проблемы со свекровью. То есть, проблем, конечно, нет, просто она, по мнению Валентины Александровны, ещё далеко не всё умеет и осознаёт. По поводу «осознаёт», это наверное о том, что не слишком понимает, насколько ей по-

везло с мужем. А она понимает, правда. Талантливый журналист, умный и привлекательный, который когда-нибудь наверняка напишет гениальный роман и прославится. Ира искренне в это верила, и мужа в этой мечте поддерживала. Но в глазах его родителей она была слишком молодой и несколько легкомысленной, что подтвердил и выбор работы, который Ира сделала. Кстати, справедливости ради, надо сказать, что и её родители не совсем понимали, для чего она занялась этим. Окончив педагогический институт, подалась в консультанты по имиджу. И это с филологическим образованием! Когда она должна нести в мир прекрасное и вечное, учить детей понимать это прекрасное, она занялась тем, что помогает экзальтированным богатым дамочкам выбрать платье для очередной вечеринки или похода в театр. Объяснять, чем именно её это привлекает и интересует, Ира уже устала. Отец во время таких объяснений неизменно смотрел на неё с прищуром, а затем пальцем грозил, будто не сомневался, что она тратит на собственные наряды все деньги, что попадают ей в руки. Это больше всего обижало – откровенное недоверие. Нет, не тратит, точнее, не все. Но она любит новые наряды, магазины... Но она не шопоголик, несколько. Шопоголикам безразлично, что покупать, они удовольствие от покупок получают, а она... она от осознания того, что в этом месяце купит себе новое платье, например, от Армани или туфли Шанель. Ради одной пары она с лёгкостью пожертвует тремя подешевле.

Да, она не шопоголик, она транжира. Причём привередливая.

И опять же это повод почувствовать своё несовершенство рядом со свекровью. Конечно, Мишина мама не могла знать, сколько именно стоят её наряды, но и без того была уверена, что Ира много тратит. У Валентины Александровны была потрясающая логика: она считала, что выглядеть Ира должна безупречно, при этом не вгоняя её сына в долги. Но разве не для этого она устроилась на работу? И, кстати, зарабатывала вполне прилично, по её меркам, её услуги пользовались спросом, и Ира несколько месяцев назад даже смогла снять небольшой офис, где и принимала клиенток, точнее, пила с ними кофе и в непринуждённой обстановке выясняла, какими они хотят себя видеть. И всеми силами им помогала, получая от этого и моральное удовлетворение, и удовольствие. Правда, не могла объяснить никому, откуда это удовольствие берёт свою основу. А когда злилась, говорила себе, что её это и волновать-то не должно. Пусть она не гений, никогда не спасёт планету и не напишет гениальный роман, как её муж, не совершит ничего безумно важного – наверное! – но она занимается любимым делом и помогает людям, даже если некоторым кажется, что покупка очередного платья не стоит того, чтобы о ней упоминать. Но попадаются клиентки, которым по-настоящему сочувствуешь, чисто человечески. Вроде взрослые, образованные, порой успешные, сделавшие карьеру женщины, но с набором банальных

комплексов и страхов, или попросту недолюбливавшие магазины и покупки, но это совсем не значило, что они не хотят быть красивыми и выглядеть на десять баллов. Порой Ире казалось, что она выступает больше в роли психолога, чем консультанта. Выслушивала, подбадривала, обещала помощь, даже за руку держала, если было необходимо, и чувствовала себя нужной и полезной. И пусть у неё крошечный офис, в котором даже письменного стола нет, только диван и кофейный столик у окна, да ещё ворох журналов и проспектов, зато она сама себе хозяйка и занимается своим маленьким делом. Она консультант по имиджу.

– Ты сама это придумала? – спросил у неё папа, когда Ира в первый раз озвучила ему то, чем собирается заняться. Он подозрительно щурился, разглядывая дочь, и Ира в расстройстве развела руками.

– Конечно, нет, папа!

В общем, всё упиралось в её шкаф с одеждой и в количество платьев в нём. Хорошо хоть Миша не смеялся. Относился немного снисходительно к её работе, считал скорее женской забавой, но никогда не отмахивался, когда Ире требовалось срочно встретиться с клиенткой, и такое случалось. Любое дело требовало времени и серьёзного отношения, это не оспаривалось. Зато его родители без сомнения снова начнут задавать вопросы, а Ира снова почувствует себя запутавшейся в собственных объяснениях и мотивациях.

Прежде чем выйти из дома, чтобы поехать в аэропорт,

обошла квартиру, придиричливо заглядывая в каждый угол. Она несколько дней наводила чистоту, ведь опозориться перед свекровью и прослыть плохой хозяйкой – это самое ужасное, что может случиться. Квартира у них была небольшая, две спальни и не слишком просторная гостиная с закутком для письменного стола – намёк на рабочий кабинет для Миши, но Валентина Александровна всё равно находила какие-то невероятные, неведомые Ире места, в которых жила и размножалась пыль. Хоть бы карту оставляла, что ли, когда уезжала, Ира бы туда заглядывала. Потому что, когда она наводила порядок, была уверена, что справилась на «отлично», везде чистота, но свекрови неизменно везло. Или она с собой пыль привозила?

Ира заглянула в полупустой шкаф, ещё раз расправила покрывало на постели, провела ладонью по подушке, разглаживая почти невидимые морщины, отступила к двери, окинула комнату ещё одним взглядом и вздохнула. Квартира готова, осталось только справиться с собой. Нужно думать о том, как муж будет рад увидеть родителей. Вернётся вечером, к ужину, а тут его мама и папа, и накрытый стол. Валентина Александровна, наверняка, испечёт любимую Мишей шарлотку с грушей... Родственники – это чудесно.

В Хитроу приехала за несколько минут до посадки самолёта. Очень хорошо, боялась опоздать. А тут ещё есть время успокоиться, перевести дыхание и встретить родителей мужа со спокойной улыбкой. Будто она уже пару часов здесь их

ожидает, с нетерпением. Когда пассажиры начали выходить, Ира даже на цыпочки привстала, пытаясь их увидеть, а потом и рукой замахала, привлекая внимание отца Миши, Петра Валентиновича. Тот после перелёта выглядел недовольным и усталым, что совсем не удивительно, если вспомнить, что они перед этим ещё из Новосибирска в Москву летели. Но улыбка на Ирином лице ни на мгновение не померкла, даже когда она встретила хмурый взгляд свёкра. Правда, тот немного просветлел лицом, когда её увидел.

– Как вы долетели? Всё хорошо? Устали?

Она обняла свекровь, Петра Валентиновича по плечу погладила, потом взяла ручку одного из чемоданов.

– Устали, конечно. Но, слава Богу, прилетели.

– Да, слава Богу, – поддакнула Ира Валентине Александровне, и вновь к ней наклонилась, когда свекровь вознамерилась ещё раз её поцеловать.

– Я рада тебя видеть, – сказала та и тут же бдительно поинтересовалась: – У вас всё хорошо?

– Валя, ты звонила им вчера. Что измениться могло?

– Да что угодно могло измениться! Петя, не забудь синюю сумку, там же подарки.

– Подарки? – заинтересовалась Ира.

– От твоих родителей. Они в аэропорт приехали и передали.

– Вам нужно было прилететь пораньше в Москву и остановиться у них, – всё-таки сказала Ира, пытаясь проявить

заботу. – Не так бы устали.

– Да надо было, но из-за Петиной работы никак не успевали на рейс. Мне так хотелось поскорее к вам приехать.

«К вам» скорее относилось к Мише, а не к ней, Ира это прекрасно понимала, но и осуждать свекровь не бралась. Её родители говорили также, о них с Мишей, как о паре, но подразумевая, в основном, её одну. Наверное, так и должно быть, это отличительная черта всех родителей.

Пока пересчитывали чемоданы и сумки, Ира стояла рядом, стараясь не мешать и не обращать внимания на тихое препирательство родителей мужа, которые от усталости всё что-то выясняли. Она же посматривала по сторонам, ожидая, когда они готовы будут двинуться с места, навесив на лицо лёгкую улыбку (о радости от их приезда ведь никак нельзя забывать), мимо них проходили люди, множество людей, зал аэропорта гудел от их голосов, шум не смолкал ни на мгновение. Ира проследила взглядом за девушкой в плаще от Dior, взгляд опустился на её туфли, а потом она вдруг дёрнулась, повернула голову в другую сторону, посмотрела на мужчину, который прошёл неподалёку. Он пересекал зал быстрым широким шагом, и сейчас уже был достаточно далеко, да и люди мешали его рассмотреть как следует, но Ира всё равно проводила его взглядом. Что-то знакомое было в его фигуре, походке, или ей так показалось... Может, и показалось, но дыхание от неожиданности всё равно сбилось. Улыбаться расхотелось и даже тише стало, или она просто

отвлеклась, забыла о шуме, и о родителях мужа. Мужчины уже давно не было видно, а она всё стояла и смотрела в ту сторону, не понимая, что её так встревожило. Высокая фигура, черноволосый затылок, уверенный шаг... Один из многих, даже если она сейчас окинет взглядом зал, наверняка увидит не одного похожего.

Спокойно, немедленно выдохни.

– Ира, пойдём. Возьмёшь этот чемодан?

Она сглотнула, заставила себя опомниться и посмотреть на свекровь.

– Конечно.

Всю дорогу от аэропорта Ира чувствовала непонятную тревогу, никак не получалось сосредоточиться на голосе свекрови, которая с энтузиазмом рассказывала ей о своей сестре, о проблемах той и тревогах, а Ира, между прочим, и видела-то тётку Миши лишь однажды, на свадьбе, и то толком её не запомнила. Но благодаря Валентине Александровне знала о её жизни всё в подробностях. Которые и знать-то не хотела, но продолжала кивать и беседу поддерживала. Ведь родственники Миши в Новосибирске, с некоторых пор и её родня, и всё это её касается.

Никак не касается, но она же метит на звание идеальной жены?

Далась ей эта идеальность. Идеальная дочь, идеальная студентка, теперь жена. Наверное, дело в том, что у неё никогда не получалось до этой вершины дотянуться. Если честно,

она даже близко никогда не оказывалась, что порой приводило в отчаяние. Вся юность прошла в переживаниях, пусть и надуманных, но в том возрасте всё казалось трагедией. Ира приказывала себе быть сильной, относиться к неудачам философски, но иногда было жутко обидно, причём из-за какой-то ерунды. Было и смешно на себя, и обидно одновременно. Наверное, это и называется юношеским максимализмом, когда эмоций столько, что оценивать их адекватно невозможно, они переполняют, захлёстывают, радуя, а чаще угнетая. Правда, про угнетение понимаешь позже, когда взрослеешь, перерастаешь этот самый максимализм, будь он неладен. Кстати, её родители до сих пор живут в уверенности, что Ира самый опасный возраст прошла без проблем и потерь. Конечно, они же не знают о первых влюблённостях, зачастую безответных, переживаниях о своей не совершенности, и их с двоюродной сестрой тайных вылазок в ночной клуб. Хотя, о подобном родителям знать ни к чему. Даже спустя годы, даже если всё закончилось благополучно, но думается, что папа и сейчас, спустя десятилетие, за сердце схватится. Ему ведь и в голову не придёт, что его дочка, рискуя шеей, спускалась ночью по водосточной трубе, сунув в заплечную сумку туфли на шпильке. Боже, на какие безумства её Томка подбивала! А сейчас её беспутная сестрёнка замужняя женщина и мать мальчишек-близнецов, и наотрез отказывается признавать свою вину в их юношеских глупостях.

Ира вдруг поняла, что улыбается, что совсем некстати, ведь свекровь вновь принялась рассказывать о семейных делах, и улыбки сейчас совершенно не к месту.

– Как твоя работа? – неожиданно спросила Валентина Александровна, а Ира, не ожидавшая такого вопроса, не сразу сумела собраться с мыслями. В конце концов, обстоятельно кивнула.

– Всё хорошо, спасибо.

– Миша говорил, что ты сняла помещение под офис.

Ира заметила, как оживился свёкор, оторвался от созерцания незнакомого пейзажа за окном, и посмотрел на неё.

– Да, но офис совсем маленький. Можно сказать, что и не офис. – Она улыбнулась. – Просто комната. С диваном и окном.

– Было бы кого там принимать, – сказал Пётр Валентинович.

Ира крепче сжала руль, смотрела только на дорогу. Выдержала небольшую паузу, после которой бодро продолжила:

– Назначать встречи в кафе и торговых центрах не слишком удобно... да и правильно. Иногда требуется тишина, чтобы всё обсудить и найти какое-то решение. К тому же, некоторые клиентки, дамы достаточно... – Ира посомневалась, стоит ли произносить следующее слово, но всё-таки сказала: – обеспеченные, а встречи в кафе с ноутбуком, это не слишком солидно. – И поспешно добавила: – Миша

со мной согласен.

Свёкор поёрзал на соседнем сидении, затем кинул взгляд за своё плечо, на жену. Взгляд был достаточно выразительный, и Пётр Валентинович, наверное, думал, что Ира, сосредоточенная на управлении машиной, его не заметит. А она заметила, но, конечно же, сделала вид, что ничего не происходит, и безмолвное осуждение и явное непонимание родителей мужа её нисколько не беспокоит. Правда, едва справилась с тем, чтобы не поморщиться от досады.

Отлично начинается родственный визит, ничего не скажешь.

Но отчего-то в этот раз Мишиных родителей её работа интересовала чрезвычайно. До возвращения Миши с работы, Ира ответила уже на пару десятков вопросов о том, чем же именно она занимается и как помогает людям. И каждый раз, спотыкаясь на словах «магазины» и «покупки», чувствовала, что её не понимают.

– Ты можешь им объяснить? – зашипела она на мужа, оставшись на минутку с ним наедине. Зашла за ним в спальню, поплотнее прикрыла дверь, и на Мишу взглянула умоляюще и возмущённо одновременно. – Скажи им, что я не трачу всё своё время на покупки и сплетни за кофе с подружками. Скажи им, что это моя работа!

Муж усмехнулся, вполне добродушно, снял рубашку, и устало потянулся.

– Ириш, ты нагнетаешь.

– Я нагнетаю? Миша, ты вернулся двадцать минут назад, а я с ними почти целый день. И мне лучше знать, нагнетаю я или нет! Они вопросы задают, много вопросов, и это неспроста.

– И что, по-твоему, это значит?

– Спроси. Это же твои родители.

Миша сунул голову в ворот лёгкого свитера, а потом вдруг руку протянул, взял Иру за плечо и привлёк к себе.

– Возьми маму с собой по магазинам.

Ира глаза на мужа вытаращила. Они стояли близко друг к другу, едва ли носами не касались, и она видела Мишины глаза, они откровенно смеялись. А Ира голос понизила.

– Ты с ума сошёл? Она умрёт, увидев хоть один ценник.

Муж рассмеялся.

– Зато она поймёт, сколько ты зарабатываешь.

– Да ну тебя, – расстроилась Ира. – Я понимаю, тебе весело, но мне-то что делать?

– Я тебе уже говорил, что делать, – ответил он спокойно. – Улыбайся. И мама, в конце концов, отстанет. Когда ты начинаешь сыпать именами дизайнеров, родителей это только путает. Кстати, не только моих, но и твоих.

Ира выдохнула, присела на постель и задумалась. А улыбнулась только тогда, когда почувствовала руки мужа на своих плечах. Он наклонился к ней, поцеловал в макушку и попросил:

– Относись ко всему проще. А с родителями я поговорю,

обещаю.

Миша из спальни вышел, а Ира не сразу нашла в себе силы пойти за ним. Осталась сидеть, дверь за мужем негромко захлопнулась, и она осталась одна, наслаждаясь тишиной. Если честно, каждой секундой наслаждалась, отсчитывала их, не понимая, отчего её так напрягает вечер в компании родителей мужа. Все эти вопросы, скрытые претензии и пристальные взгляды свекрови, которые преследовали Иру, что бы она ни делала. Готовила, накрывала на стол, поправляла подушки на диване... Больше всего раздражало, когда Валентина Александровна после отправлялась по её стопам и переделывала всё, к чему прикасалась Ирина рука. Ненавязчиво, ведя беседу, но двигала тарелки на три миллиметра в сторону, взбивала подушки, добиваясь идеальной пышности, и всё это под аккомпанемент рассуждений о важности Мишиной работы.

– Я собираю все его статьи, я тебе говорила?

– Да.

– Купила специальный альбом, и туда всё клеиваю. Когда-нибудь ему будет приятно перечитать свои работы.

– Когда? – переспросила Ира, подыгрывая свекрови. – Он и так их наизусть помнит.

– Это сейчас. А пройдут годы, он займётся чем-нибудь другим...

– То есть, когда ему дадут повышение?

– И это тоже. – Валентина Александровна повернулась

к ней. – А что, что-нибудь уже известно?

– Мне нет.

Свекровь вздохнула.

– Я бы на твоём месте поинтересовалась успехами мужа.

– В смысле?

– Ты же знакома с его начальником. Ты дружишь с его женой...

– Не дружу, – отказалась Ира. – Мы просто знакомы.

– Это почти одно и то же.

– Валентина Александровна, вы же знаете, Миша такое вмешательство не оценит.

Свекровь лишь головой покачала, а на Иру бросила многозначительный взгляд.

– Он же мужчина, Ирочка, ему совсем не обязательно знать.

Ира решительно покачала головой.

– Я так не могу.

– Я почему-то так и думала.

Это было произнесено негромко и в сторону, и Ира на свекровь обернулась, но та сделала вид, что не заметила замешательства невестки. Вот так вот, они замечательно общаются. А помнится, на свадьбе Валентина Александровна просила называть её мамой, но Ира так и не смогла преодолеть себя. «Мама» – это не то слово, которым стоит разбрасываться.

Но недопонимание тяготило, и хотя продолжать разговор о профессиональных успехах мужа, у Иры особого желания

не было, она решила предпринять ещё одну попытку со свекровью договориться. Или поладить, или найти общий язык. Как угодно можно назвать, лишь бы та перестала пытаться её своими пристальными, скорбными взглядами.

– Миша талантливый, у него всё получится, – сказала она, когда они с Валентиной Александровной всё-таки выбрались вместе в город, чтобы купить подарки родственникам и знакомым в Новосибирске. Кстати, ходить со свекровью по лондонским магазинам, было ещё то удовольствие. Она совершенно не разбиралась в ценах, Ире постоянно приходилось пересчитывать для неё в российские рубли, переводить всё, что говорили вокруг, потому что Валентине Александровне всё было любопытно и необходимо знать.

– Разве я говорю, что это не так? Но даже талантливым нужна помощь, иногда. А ты жена.

Ира тихонько вздохнула, не отрывая взгляд от витрин.

– Вы же знаете, повышение означает возвращение в Москву, а Миша... мне кажется, он ещё не готов.

– А ты?

– Что я?

– Ты хочешь, в Москву? Там твои родители.

Над ответом следовало подумать. Ира знала, что свекровь анализирует каждое её слово, и наверняка использует это против неё в разговоре с сыном, если поймёт, что это для неё выгодно. Мишины родители хоть и гордились сыном, но его столь долгое пребывание за границей не слишком их радова-

ло. Ире даже казалось, что они откровенно боятся, что Мишу соблазнят каким-нибудь выгодным предложением, и он решит остаться в Англии на постоянное жительство. Чем именно их это пугало, было не совсем понятно, но точно не радовало.

На прямой вопрос следовало найти деликатный ответ, и Ира очень постаралась.

– Я скучаю по родителям. Но Миша любит Лондон, и в данный момент, думаю, он не готов вернуться. Даже если ему и предложат должность редактора. – Несмотря на проявленную деликатность и вежливую улыбку, прилипшую к губам, в голосе промелькнули тоскливые нотки. И, конечно же, это не осталось незамеченным. Валентина Александровна бросила на неё проницательный взгляд, а затем взяла Иру под руку, как подружку какую-то, что было, прямо скажем, странно и излишне, но просто отстраниться она не осмелилась. А свекровь похлопала её по руке, вроде бы успокаивая или поддерживая.

– Ты хочешь домой.

Ира замешкалась на мгновение, но затем со вздохом согласилась.

– Хочу.

Но что толку, что она хочет в Москву? Она выходила замуж не для того, чтобы купаться в своих капризах. Миша, произнося клятвы, обещал её любить и беречь, поддерживать, но не исполнять все желания. К тому же, его карьера

была важнее, всегда была важнее. От его карьеры зависело их будущее, их спокойствие, карьерный рост мужа, а он был человеком честолюбивым и чуточку тщеславным, самое то для журналиста, собирающегося стать писателем. Ире всегда хотелось улыбнуться, когда она представляла Мишу за письменным столом, работающим над романом. Об этом самом романе она слышала уже несколько лет, со времён их знакомства, и вроде бы идея была, готовый сюжет, но мужу никак не доставало времени начать работать. А, возможно, и желания, по-настоящему сильного желания писать.

Конечно, её работа по своей важности не шла ни в какое сравнение с работой Миши. Когда они познакомились, она заканчивала филфак, но никогда не считала себя способной написать что-то стоящее. Ира собиралась стать учителем, за плечами уже была практика в обычной средней школе, и предстоящая работа её не пугала. Но замужество планы спутало, и, оказавшись в чужой стране, она вдруг поняла, что не слишком расстроена из-за потери работы. Оказалось, что её и интересует-то совсем другое. Точнее, магазины, покупки и новые наряды её интересовали всегда, но в Москве, с папой хирургом и мамой помощником нотариуса, до известных брендов ей дела не было, точнее, денег не было. А в Лондоне, оказавшись большую часть времени предоставленной самой себе, начала даже не присматриваться, а изучать. Детально, с большим интересом, даже с азартом. Бутики известных брендов, распродажи, показы, поначалу не слиш-

ком популярных молодых дизайнеров, всё это увлекло и закружило. Мишу приглашали на различные мероприятия, он обрстал интересными знакомствами, им начали присылать приглашения, в том числе и на показы мод, которые Миша недолюбливал и откровенно на них скучал, а Ира не отказывалась ни от одного. А как мода и покупки превратились для неё в работу, даже не заметила. Да и работой не считала. Началось всё с походов по магазинам с новыми приятельницами. С покупки платья и пары туфель известных брендов, затем удачного выхода в свет с мужем под руку и обещания помочь одной знакомой, другой – и вдруг оказалось, что у неё есть вкус, она умеет подбирать и компоновать наряды, создавать образы, и некоторые дамы не прочь воспользоваться её помощью и попросить совета. Сказать, что она недовольна своим делом – нельзя, она занимается тем, что любит, даже если кому-то это и кажется несерьёзным. Вот например сейчас, стоило Ире подойти к стеллажу с обувью и взять в руки туфлю от Миу-Миу, свекровь оказалась рядом, посмотрела и неодобрительно покачала головой.

– Неужели такое носят? Странный цвет... И блёстки. – И тут же поинтересовалась: – Сколько стоит?

Пришлось соврать, занизив цену втрое, но даже это вызвало у Валентины Александровны всплеск изумления.

– Правда? – Она окинула быстрым взглядом помещение. – Дорогой магазин.

От такого определения, вынесенного похода, не разобрал-

шись, Миучча Прада точно бы долго не оправилась. Подумав об этом, Ира вернула туфлю на место, кинув на эту пару особенный взгляд, и пообещав себе вернуться при первой же возможности.

Непонятно почему, ей так трудно было найти общий язык с родителями мужа. Ира всегда была человеком общительным и достаточно обаятельным, особой замкнутостью не страдала, знакомства заводила запросто, друзей находила легко. Родители всех её молодых людей, пусть и было их не так уж много, её обожали, считали правильной и доброй девочкой, и она ко всем относилась ровно, а вот с Мишиными родителями такого не случилось. Или, может, дело как раз в том, что Миша муж, и от этих отношений зависит куда больше, чем просто от дружбы с молодым человеком. Родственники, родственники!.. С некоторых пор Ира ненавидела это слово. Да и к ней относились с определённой настороженностью, как ей казалось, ждали от неё гораздо большего, чем она была в состоянии дать. Не мужу, а именно его родителям. Пока те были далеко, у них с Мишей всё было замечательно, они даже не ругались почти, очень редко и по мелочам, но стоило свекру и свекрови переступить порог их дома, недоразумения сыпались одно за другим. Ира сразу начинала чувствовать себя неполноценной. Всё-то она делает не так, интересуется не тем, и, вообще, сосредоточена на каких-то глупостях, вместо того, чтобы заботиться о благополучии семьи. После каждого подобного разговора, даже на-

мёка на эту тему, Ира начинала нервничать. Потому что знала, к чему, в итоге, всё сведётся. К рождению ребёнка. Ведь никто из родственников, надо признать, что и её родственников, не понимал, почему они тянут. Женаты два года, отношения стабильны, быт налажен, самое время ребёнка родить, но они тянут и тянут. Дотянули до того, что свекровь как-то принялась допытываться у Иры, всё ли у неё со здоровьем в порядке. Как она тот разговор пережила, не сорвавшись на крик и не устроив скандал, до сих пор не понимала. Миша по привычке попытался отшутиться, говорил, что всему своё время, а родители спрашивали и спрашивали. Ира до сих пор, вспоминая тот момент, покрывалась мурашками. Не скажешь же в открытую, что она не хочет? Точнее, не готова. То есть...

После этих «точнее» и «то есть», хотелось зажмуриться и затопать ногами. Но вместо этого продолжала улыбаться, чувствуя себя при этом какой-то бездушной мегерой и хищницей. Что это за женщина, которая не мечтает родить любимому мужчине ребёнка? Которая всё чего-то ждёт, выгадывает, медлит, находит одну отговорку за другой. Нельзя сказать, что Миша жаждал стать отцом, тем более сейчас, сосредоточенный на собственной карьере, и это, признать, успокаивало, но расспросы родителей и их многозначительные взгляды, заставляли сомневаться и даже ненавидеть себя за слабохарактерность. Свекровь была более категорична в своём стремлении выяснить истину, чем мама Иры, та хо-

тя бы старалась понять дочь, а вот Валентина Александровна порой доводила своим упорством до белого каления. И все её вопросы были чересчур личными, что свекровь ничуть не смущало. Она хотела знать, когда у неё будет внук. А Ире нечего было ей ответить.

И не надо думать, что она сама о возможном скором рождении ребёнка не размышляла. И не только о ребёнке, а, вообще, о будущем. О своём, об их совместном будущем с Мишей, о том, какая жизнь их ждёт, и какие проблемы могут проявиться. Вся их семейная жизнь и состояла из постоянных размышлений о будущем. Даже в начале отношений они только тем и занимались, что всё планировали. И, возможно, к этому моменту, когда пришло время делать следующий шаг, она устала? Эту мысль Ира старательно от себя гнала, уже не первый месяц, пыталась настроить себя на продолжение, но, признаться, муж ей не слишком в этом помогал. Миша о детях готов был говорить только в присутствии собственных родителей, то есть, он скорее поддакивал матери, улыбался так, будто уже завтра станет счастливым отцом, а все выжидательные взгляды вновь обращались к Ире. Это, если честно, бесило.

Да, она выходила замуж не по великой, страстной, безумной любви. Ира вообще сомневалась, что её муж способен на столь пылкие чувства. Миша был человеком рассудительным, обстоятельным, он все свои эмоции привык анализировать и расписывать, даже если и в уме. И при встрече с ним,

эти качества показались Ире привлекательными. Непонятно почему, но ей в двадцать три года захотелось покоя и равновесия. Миша был старше на пять лет, закончил когда-то тот же институт, что и она, сумев после получить работу в солидном издании. Они и познакомились в институте, на семинаре. Ира наблюдала за ним со стороны, за тем, как уверенно он общается со студентами, прислушивалась к тому, о чём он говорил, и совсем не думала, что сможет чем-то привлечь его внимание. Она была одной из многих интересующихся, но они столкнулись взглядами, и с этого всё началось. Миша ухаживал красиво и обстоятельно, соответственно своему характеру, что очень нравилось Ириным родителям. Мама после первого знакомства с новым кавалером дочери призналась, что сейчас спокойна за неё, как никогда. Конечно, Миша не делал глупостей, он всегда был настроен серьёзно. Даже обидеться на него невозможно, потому что он сам никогда гнева или настоящей злости не испытывает, он для всего находит объяснение, даже для странных поступков незнакомых людей, Ира считала это истинно писательской чертой: анализировать всё, даже чудачества, и всему давать объяснения. Ира не могла сказать, что влюбилась в него с первого взгляда, как думал сам Миша, и это было её большим, поистине огромным секретом. Зачем мужу такие подробности, правда? Ему было приятно верить в свою неотразимость и чувственность, а Ира ценила в нём и другие качества, наличие которых помогло ей в своё время принять решение

и согласиться стать его женой. Она не теряла голову, не таяла от его поцелуев, но разве это так важно? Она доверила этому человеку свою жизнь, саму себя, потому что верила и верит в его благоразумие и ответственное отношение к их судьбам. И мужа любит. Пусть это пришло не сразу, и не было всепоглощающим, ослепляющим чувством, но от страсти ведь одни проблемы. Она туманит разум, путает ощущения и заставляет тебя забыть об осторожности. Таких проблем не хотелось, хватило одной истории в молодости, когда вот так по глупости доверилась, поверила, а закончилось всё плохо. На момент согласия выйти замуж, для Иры было достаточно того, что Миша хорошо к ней относится. Любовь это в полном смысле слова или нет, никто бы ответа не дал, наверное, даже сам Миша, но они симпатизировали друг другу, имели одинаковые взгляды на многие вещи, они дорожили своими отношениями, Ира, без сомнения, чувствовала нежность к этому мужчине, и поэтому, когда Миша всё-таки сделал ей предложение, сомневалась недолго. Ещё раз взвесила все «за» и «против», решила, что лучшего мужа, каким Миша, наверняка, станет, ей не найти, и согласилась, ощущая душевное успокоение и тепло. Зачем ей омуты, когда на берегу есть такой замечательный мужчина, который и хижину построит, и огонь разведёт, и с голода умереть не даст. И надо сказать, что за два года брака о принятом решении не пожалела. Конечно, у них были проблемы, особенно поначалу, но сейчас, глядя на своего мужа, в голову приходила

только одна мысль: она им гордится. Его успехами, его целеустремлённостью, гордится тем, что он принадлежит ей. И радуется искоркам, вспыхивающим в его глазах, когда он смотрит на неё. Это пришла любовь, без сомнения. А ещё уважение, забота, нежность. Всё, что люди в состоянии взять от отношений, у них с Мишей есть. Кроме детей. Но они ещё так молоды, и как только Ира поймёт, что время пришло, их семья станет полной, и никто тогда не посмеет её поучать, говорить, что она что-то недодаёт любимому мужу, в чём-то его обделяет. Просто их время ещё не настало, просто она ещё не готова, и Миша здесь не причём. Проблема в ней, в её душе, в которой есть один тёмный, пустующий закоулок. Оттуда идут все проблемы. Такое чувство, что там живёт кто-то, на неё похожий, но не она, и нашёптывает, нашёптывает, заставляет сомневаться, и эти сомнения вызывают тайный, старательно Ирой подавляемый, дискомфорт. Будто за всей этой завесой благовидности и правильности, она упускает что-то важное. Или не упускает, а попросту врёт себе. Уверяет, что забыла, каково это – сойти с ума от любви, а на самом деле... на самом деле, всё скрыто там, в темноте. В маленьком тёмном закоулке её души, тщательно замаскированном семейными радостями. Наверное, это единственное тёмное пятнышко, всё остальное начищено и сверкает. Вот как эта витрина.

Ира не сразу поняла, что уже несколько минут стоит перед витриной со свадебными нарядами. Платья были потрясаю-

щими, белоснежными, чистыми, какими и должны быть помыслы, вступающих в брак, но Ира сейчас думала не об этом. У неё снова закололо кончики пальцев, как пару дней назад в аэропорту, когда она отчаянно высматривала в толпе высокого черноволосого мужчину, надеясь успеть увидеть хоть издали, хоть с затылка... Даже если это был совсем другой человек.

Тёмное пятно на её репутации, это точно. Сколько раз говорила себе, что нужно забыть и не вспоминать. И, вообще, замужней женщине не престало вспоминать о бывших любовниках. Вот и свекровь рядом, и, конечно же, взгляд до жути пронизательный.

– Какое красивое платье, правда, Ириш?

Она кивнула.

– Ещё бы. Это Вера Вонг.

– Что?

– Дизайнер Вера Вонг. Её свадебные платья – это настоящее искусство. – Очнулась от своих мыслей и поторопилась улыбнуться. – Пойдёмте? Мы ещё хотели зайти в текстиль, это двумя этажами ниже.

Валентина Александровна поспешила дальше, даже не обернувшись на витрину, за которым было выставлено платье неземной красоты, принялась вспоминать, кому и что хотела купить, а Ира, ступив на эскалатор, всё-таки обернулась. Она бы хотела такое платье. Правда, когда сама замуж выходила, ещё и понятия об этом не имела. Но как бы она

в нём смотрелась...

– Как магазины? – спросил Миша, вернувшись вечером домой. Задержался почти до восьми вечера, от него исходил ненавязчивый запах дорогого коньяка, и Ира поняла, что задержался не просто так, а выпивал с боссом. Муж не слишком любил коньяк, но компанию всегда поддерживал. Но действовал на него этот напиток расслабляюще, вот и сегодня уютно ткнулся носом Ире в шею, губами прижался, а она почувствовала, что он улыбается.

Она легко повела плечом, потому что муж отвлекал её от приготовления ужина.

– Всё хорошо. Мы купили всё по списку, и даже зашли в кафе. Твоя мама, кажется, довольна.

– Замечательно. И ты замечательная, – добавил Миша с особыми интонациями. Его руки легли на Ирины бёдра, чуть сжали, а она поторопилась отстраниться, услышав шаги в коридоре.

Муж отошёл на пару шагов, достал из холодильника бутылку минералки, и, сворачивая пробку, заявил:

– Кстати, у меня новость. Точнее, предложение.

– Интересное?

– Думаю, да. Есть возможность съездить на выходные в Париж. У меня там встреча, но можем задержаться на пару дней, показать родителям город. Мама хотела.

Ира отложила нож, повернулась к мужу.

– Миша, я занята в выходные, ты забыл?

Он заинтересованно вздёрнул бровь.

– Чем занята?

– У Хэллен юбилей в воскресенье, я обещала, что пятницу и субботу посвящу ей.

– Ира. – В Мишином голосе проскользнули просительные нотки, но она лишь головой покачала.

– Я обещала, и тебя предупреждала об этом. Ты сказал: ничего страшного. Ты забыл?

– Но это же Париж!

Ира сняла фартук и повесила его на спинку стула.

– А у тебя одна встреча, ты сам сказал. Вот и посветишь всё оставшееся время родителям. Думаю, они даже рады будут побыть с тобой наедине, – добавила она чуть тише. – Порадуй их.

Миша глотнул воды, затем усмехнулся.

– Ты ревнуешь?

– К твоим родителям? – подхватив его шуточный тон, уточнила Ира. – За кого ты меня принимаешь?

Он снова подошёл и обнял её, заглянул в глаза. Смотрел с прищуром, взгляд с поволокой, и Ира поневоле улыбнулась.

– Ты пьян. Уилл тебя напоил?

– Нет. Ну, может, чуть-чуть.

Она положила ладони на его плечи, кинула быстрый взгляд на дверь, а затем шёпотом продолжила:

– Миш, они приезжают и почти тебя не видят, ты весь в де-

лах. Думаю, тебе на самом деле стоит съездить с ними, хоть куда – хоть в Париж, хоть в Новосибирск, но чтобы вы побыли втроём. А то твоя мама без конца мне задаёт вопросы о том, чем именно ты занимаешься и где пропадаешь, а я не знаю, что ответить.

Он глаза закатил и что-то едва слышно простонал, но когда голову опустил и прижался лбом к её лбу, выглядел более серьёзным, чем минуту назад.

– Думаешь?

– Да. А я поскучаю, – проговорила она шёпотом, заглядывая ему в глаза.

– И чем ты займёшься, пока будешь скучать по мне? Магазинами?

– Магазинами, – подтвердила Ира. – А ещё схожу на открытие выставки Андреаса Вагенаса, мне Сьюзи достала пригласительный.

Миша чуть нахмурился, пытаясь собраться с мыслями.

– Вагенас... Да, помню, грек-скульптор. Кто-то мне рассказывал.

– Я тебе и рассказывала, – сказала Ира громче, отходя от мужа и доставая из буфета тарелки. – У него есть одна скульптура, называется «Обнажённая Гера», она впервые будет выставляться. Хочу увидеть собственными глазами.

– Обнажённая? Интересно.

Ира рассмеялась.

– Поезжай в Париж! Интересно ему. Говорят, по оконча-

нии турне её выкупят, и появится ли она ещё где-то, большой вопрос.

– Кто купит?

– Неизвестно. Ты же знаешь, Сьюзи работает в «Тейт», и то говорит, что кроме слухов никакой достоверной информации. Но поговаривают, – Ира сделала паузу и повторила, – поговаривают, что «Гера» будет стоит не меньше трёхсот тысяч евро.

Миша присвистнул.

– Не слабо.

– Поэтому я должна её увидеть, пока есть такая возможность.

– А сам гений интервью даёт?

– Понятия не имею. – Ира кинула на мужа весёлый взгляд. – Мне, в отличие от тебя, в голову не приходило подобным интересоваться. Кто меня к нему подпустит? Я иду туда в надежде приобщиться к прекрасному, – закончила она с ноткой иронии.

Сафронов фыркнул, не собираясь соглашаться. К жене подошёл и ещё раз её поцеловал, на этот раз в щёку. Губы ласково прижались и задержались, усиливая крепость, казалось бы, мимолётного, ничего не значащего поцелуя.

– Как может какая-то гипсовая тётка, пусть она и Гера...

– Мраморная.

– Что?

– Она сделана из белого мрамора.

– Пусть. Но как она может сравниться с моей женой? Такой тёплой, – добавил он, обнимая её за талию и прижимаясь к её спине, – такой нежной, так хорошо пахнувшей? Она всего лишь камень, а ты настоящая.

Ира улыбнулась.

– Я запомню, – пообещала она. Отвернулась, посмотрела на приготовленные тарелки, и вдруг опомнилась, поспешно добавила: – Я люблю тебя.

– И я тебя, милая.

Почему-то слова любви у Миши всегда получались более холодными и отстранёнными, чем комплименты, которые он произносил за минуту до этого. Слово «любовь» для её мужа значило меньше, чем поступки, которые он совершал. И с этим приходилось мириться.

– Миша, Миша, иди сюда! – послышался бодрый голос Валентины Александровны из комнаты. – Посмотри, я привезла твои детские фотографии. Ты, наверное, их сто лет не видел.

– Иду, мама.

Миша ещё раз быстро клюнул её в щёку, после чего поспешил из кухни выйти, а Ира постаралась справиться со сбившимся дыханием. Опять дети...

Это было невероятно, но они постоянно сталкивались взглядами. Помещение выставочного зала было заполнено людьми, то и дело сверкали фотовспышки, приглашенные ни минуты не стояли на месте, двигались по залу, рассматривая скульптуры. У «Обнажённой Геры» собралась целая толпа, гул голосов не смолкал, а, кажется, лишь набирал силу, а Ира чувствовала себя не в своей тарелке, если честно, позабыв, для чего она здесь.

У этой самой «Геры» она и столкнулась с ним в первый раз. Глазами.

Один короткий взгляд, и никакого сбившегося дыхания или покачнувшейся под ногами земли. Просто никак не могла отвернуться. Смотрела, не понимая, что этот человек здесь делает, и как судьба подобное допустила. Оказывается, Земля на самом деле круглая, и они по нелепой случайности, спустя столько лет, оказались на расстоянии двадцати метров друг от друга. Расстались на набережной небольшого черноморского городка пять лет назад, Ира даже помнила, во что была одета тем вечером – в лёгкий ситцевый сарафан. А теперь, по какому-то дикому стечению обстоятельств, она в Лондоне, в выставочном зале Академии искусств, на ней платье от Марка Джейкобса, а на Лёшке смокинг. И выглядит он в нём весьма гармонично, и ведёт себя естественно,

только смотрит не на собеседников, а тоже без конца взглядом отыскивает её в толпе.

Сначала Ира решила, что обозналась. Что общего может быть у того Лёшки, с которым она была знакома когда-то, с этим гордым, уверенным в себе и своей состоятельности, мужчиной? В смокинге. Чёрт возьми, он в смокинге! Конечно, это светское мероприятие, и вокруг почти все мужчины одеты подобным образом, но всё равно... Это же Лёшка. Лёшка, самой стильной одеждой которого были поношенные «левайсы», он в них в ресторан ходил, куда пригласил её один-единственный раз, вся остальная его одежда была ещё более демократичной и сводилась к нескольким парам шорт и футболок. Для лета, для небольшого курортного городка – самое то, и другим Ира его не представляла. И поэтому не сразу поверила... Вот только он тоже на неё смотрел. И прищуривался, и хмурился, и даже сделал попытку улыбнуться, когда они в очередной раз столкнулись взглядами. Но Ира в этот момент запаниковала и отвернулась от него, и когда поняла, что не обозналась, что это, на самом деле, он, и он её узнал, внутри целый вихрь чувств поднялся. Совершенно не представляла, что делать.

Наверное, нужно было уйти. А если точнее, то сбежать. Сразу вспомнился инцидент в аэропорту, как она замерла, глядя вслед мужчине, который был так на него похож, а теперь приходилось признать, что, возможно, непросто похож, возможно, это он и был. А её тогда от одного мимолётного

образа, к полу пригвоздило. Посмеялась над собой, несколько дней посмеивалась мысленно, а теперь вот не до смеха.

Ира сделала несколько судорожных глотков шампанского, отошла в сторонку, чтобы никому не мешать, а смотреть себе приказала на скульптуру, установленную на пьедестале. На табличке рядом значилось «Гонение» и дата создания. Белый отполированный мрамор притягивал к себе взор, даже прикоснуться захотелось, но делать этого было категорически нельзя. Выдержала минуту, осторожно повернула голову, глазами поискала источник своего беспокойства. Сглотнула, когда поняла, что за ней тоже наблюдают. Или разглядывают. Лёшка уже успел пройти по залу, и теперь стоял, окружённый другими людьми. Кивал, улыбался, что-то говорил, а когда появилась возможность отвлечься на секунду, на неё посмотрел. Поднёс бокал с шампанским к губам, кивнул кому-то, а глазами снова в её сторону стрельнул.

Он, это без сомнения он.

– Да уж, столпотворение.

Сьюзи подошла со спины, и Ира от неожиданности вздрогнула, услышав её голос. Поторопилась повернуться к ней, даже обрадовавшись, что нашла достойный повод отвлечься от своих мыслей, а главное, чувств, а самое важное, изумления от случившегося.

– Ты думала, что будет по-другому? Открытие же. – Рука едва заметно подрагивала, и Ира поспешила допить шампанское и поставить пустой бокал на поднос проходящего мимо

официанта. Взяла другой и тут же сделала глоток.

– Все ждали, что Вагенас лично появится, а его нет.

– Не приехал?

– Сына прислал. Тот всем рассказывает, что отец неважно себя чувствует. – Сюзи недоверчиво усмехнулась, потом наклонилась к Ире и шёпотом проговорила: – А на самом деле поговаривают, что он разводится. Опять!

– Что ж, в этом нет ничего весёлого. Насколько я знаю, он уже человек в возрасте.

Сюзи быстро закивала, продолжая усмехаться.

– Вот-вот, в прошлом году шестьдесят пять исполнилось. А жене его нынешней лет двадцать пять. При этом, это его четвёртый брак.

Ира заглянула в свой бокал.

– В этом тоже нет ничего весёлого.

– Вот женится на восемнадцатилетней, вот тогда и поселится.

Ира взглянула на подругу с укором.

– Зачем ты так говоришь?

– Ира, да об этом все знают. Андреас Вагенас – законченный бабник, и никакой возраст ему не помеха. Я в прошлом году была на его выставке в Афинах, и его видела. Живчик такой. Он ещё раз три точно жениться успеет, вот увидишь! – Сюзи рассмеялась.

– Бог ему в помощь, – вполне искренне сказала Ира, совершенно не интересуясь деталями чужой личной жизни.

– При этом, не смотря на огромное количество любимых женщин в его жизни, у него только один сын. Говорят, весь в папу.

– В каком смысле?

– Да во всех. Я, конечно, с ним незнакома, но поговаривают, что пока не женился, тоже погулял вволю.

– Сьюзи, тебя не утомляют все эти подробности?

– Нет. Это моя работа.

– Ты искусствовед, а не папарацци.

– Ой, да брось. Я вот уже час здесь кручусь, пытаюсь понять, кто же у нас Вагенас-младший.

– Что, явного сходства не наблюдаешь? – пошутила Ира, и аккуратно скосила глаза в ту сторону, где в последний раз видела Лёшку. Его там не было, и в первое мгновение Ира всерьёз озадачилась: то ли ей расстроиться, то ли начать оглядываться, пытаясь вновь его увидеть. Хотя, зачем ей его видеть? – Сьюзи, я, наверное, не буду дожидаться окончания. Ты права, здесь такая сутолока. Лучше я завтра приду, и всё спокойно посмотрю. Из-за журналистов в зале не протолкнуться.

– Так я тебе поэтому про развод и говорю, скандал подогревает интерес.

– Слава Богу, это совершенно не моё дело. Не обидишься, если я уйду?

Сьюзи показательно вздохнула, окинула Иру многозначительным взглядом, мол, «всё я знаю, а о чём не знаю, то до-

гадываюсь», а потом подставила щёку для прощального поцелуя.

– Позвони завтра, вместе сходим, а потом по магазинам.
Ира улыбнулась.

– Хорошо. – Повернулась, собираясь избавиться от бокала и пойти к выходу, и вдруг поняла, что Лёшка совсем рядом, только руку протяни. Стоит за её спиной, слушает суетливого здоровячка, который рассуждает о «Гере», а смотрит опять же на неё, с интересом и даже любопытством. Ира замерла с бокалом в руке, потом почувствовала замешательство и даже смутилась под пристальным взглядом, а когда уже собиралась негромко извиниться и уйти, почувствовала несильный тычок в спину, это Сьюзи решила поиграть в «судьбу». Как выяснилось здоровячок оказался её непосредственным начальником, и пообщаться с ним в неформальной обстановке было удачей. Ясно, что не Ириной, но её мнением поинтересоваться забыли, и она, совершенно того не желая, оказалась с Лёшкой лицом к лицу. Уставилась на его бабочку, не в силах поднять глаза к его лицу, но когда их начали знакомить, точнее, её представлять ему, неизвестно зачем, автоматически протянула руку.

– Ирина, Сафронова.

– Вы русская? – непонятно почему впечатлился мистер Здоровячок, точнее, Чаннинг.

– Русская, русская, – закивала Сьюзи, не спуская глаз с собеседника начальника.

– Алекс, представляете, какое совпадение!

– Да, совпадение, – произнёс он, а Ира почувствовала, что от звука его голоса у неё мурашки побежали, причём мурашки были странные, вместо того, чтобы заставить её передёрнуться, они принесли с собой странный жар, который быстро распространялся по телу и превращал её в податливую куклу. Она всё-таки подняла глаза к его лицу, и увидела, как его губы раздвинулись в знакомой улыбке. А затем Лёша спокойно произнёс: – Здравствуй, Ира.

Это было сказано по-русски, но, видимо, с особой интонацией, потому что заставило людей не на шутку заинтересоваться, а Сьюзи даже уточнила:

– Вы знакомы?

Ира кивнула. Надеялась, что вышло также спокойно, как и у Алексея. Правда, слова застряли в горле, и выручил опять же Лёшка, усмехнулся и сказал:

– Россия – страна небольшая, все друг друга знают. – А следом протянул руку Сьюзи и представился: – Алекс Вагенас, очень приятно.

Ира от изумления моргнула. Раз, другой, затем посмотрела на того, кого знала много лет назад, но который тогда на Вагенаса никак не тянул. И фамилия у него была совсем другая, по крайней мере, та, которой он ей представился – Калюжный, Алексей Калюжный. А теперь оказывается, что он сын известного скульптура, грека, и на половину русский.

– Так вы Вагенас! – воскликнула Сьюзи, а на Иру бросила

взгляд, полный укора. Видимо, уже решила для себя, что та просто скрывала от неё интересующую информацию. – Все сегодня только о вас и говорят!

– Думаю, не обо мне, а о моём отце. Я, так сказать, не слишком полноценная замена на сегодняшний вечер.

Сказал, и снова бросил изучающий взгляд на Иру, а та стояла, глядя куда-то за его плечо, пытаюсь свыкнуться с изменившимися обстоятельствами. Точнее, она мысленно пыталась сопоставить то, что знала о нём, с нынешней реальностью. И непонимание ясно читалось на её лице.

Алексей взял с подноса ещё один бокал шампанского и протянул Ире.

– Выпьешь?

Она машинально приняла бокал и снова поторопилась от-вернуться. Сердце странно бухало в груди, и этот стук даже сотня голосов вокруг, казалось бы, не могла заглушить.

– Вообще-то, я уже собиралась уходить.

Сьюзи вцепилась в локоть.

– Ира, ну что ты, куда ты бежишь? Такой вечер!

Вечер, действительно, удивительный. Полный... да, то самое.

– Вы видели «Геру»?

– Конечно. Ира только ради неё и пришла.

– Серьёзно?

Ей пришлось согласно кивнуть.

– Да, удивительная вещь.

Алексей вдруг хмыкнул.

– Завораживает?

– А тебя нет?

Он вздохнул, оглянулся через плечо на скульптуру, и, воспользовавшись моментом, когда его ненадолго оставили в покое, негромко и по-русски проговорил:

– У меня смешанные чувства. – Наклонился к Ире и проговорил ей на ухо: – Отец лепил её с моей мамы, так что, сама понимаешь...

– Гера – это твоя мама?

– Отец никогда от излишней скромности не страдал. И раз уж он считает себя едва ли не Зевсом, то маме повезло стать на время его Герой.

Это было так странно, чувствовать его рядом. В толпе, на светской тусовке, он стоял рядом с ней и что-то шептал ей на ухо. Только ей, по-русски, никто больше в этом зале не мог их понять, а Лёшка, точнее, Алекс Вагенас, говорил, добавив в голос мёда, что было вполне узнаваемо в его исполнении, и смотрел с намёком, с намёком на прошлое, а не на настоящее. По крайней мере, Ире так казалось. От этого и стучало сердце, сохло во рту, и тряслись руки. Какой злой рок снова свёл их вместе? Если бы её спросили, чего она боится в этой жизни, одним из ответов был бы: встречи с этим человеком. Потому что глядя в его глаза, она очень ясно вспоминала своё унижение. Как однажды выяснила, какая она на самом деле дура, и что если мужчина что-

то говорит тебе и даже обещает, то это совсем не значит, что он чувствует это. У него могут быть свои причины, желания, потребности и тайны, а ещё жизнь, за пределами твоей вселенной, о которой он просто забыл или не захотел тебе рассказать. Например, невеста или жена. И то, что она сегодня про него узнала, лишь углубило полученную когда-то рану, и подтвердило, что ей следует держаться от него подальше. И, вообще, про него не думать.

– Что ты делаешь в Лондоне?

– Живу. – Она старалась избегать его взгляда.

– Давно?

– Уже два года.

– Да, где бы нам встретиться...

– Предполагалось, что мы встретимся? – Ира не удержалась от лёгкой издёвки, и услышала, как Лёшка вздохнул. Чтобы направить разговор в другое русло, спросила об имени. – Так ты теперь Алекс?

– Вообще, по паспорту – Алексиус. – Ира всё же вскинула на него удивлённый взгляд. – Смешно, да? Правда, в России всё куда прозаичнее, там я Алексей Андреевич.

– Вагенас...

– Вагенас, – повторил он, подтверждая.

– Наполовину грек. – Она рискнула улыбнуться. – Звучит, как полубог.

– Ты мне льстишь, Ириска.

Услышав это давнее прозвище, поняла, что её мучает уже

физическая боль. Болезненный шар поднимался от сердца к горлу, и не давал дышать.

– Как я понимаю, ты замужем? Он англичанин?

На секунду прижала бокал к губам, осторожно вдохнула, а затем расправила плечи и постаралась выглядеть чуточку безразличной к происходящему. Почему она должна волноваться из-за него? Он же не волнуется.

– Он журналист. Русский журналист, работает в международном издании.

– Хорошо.

– Хорошо, – подтвердила она.

Алексей сунул руку в карман брюк, быстро огляделся.

– Хочешь, я провожу тебя до стоянки?

Ира немного растерялась.

– Что?

– Ты же собиралась уезжать. Я тебя провожу. Сил уже нет на вопросы отвечать.

Она сомневалась секунду, после чего решила, что это даже неплохо. Ей, действительно, лучше уехать.

– Ты на машине?

– Нет, такси возьму.

Они вместе вышли из зала, и Ира заметила, как Алексей приостановился ненадолго, закрыл глаза и устало повёл плечами. После чего встряхнулся и догнал её в два шага.

– Устал. Я в Лондоне уже три дня, и занимаюсь только выставкой.

Три дня. Три дня назад он прилетел из Москвы, становится всё очевиднее, что в аэропорту она не обозналась. Да и разве можно его с кем-то спутать?

– Бросил всё и приехал спасать отца?

Лёшка кинул на неё проницательный взгляд, затем усмехнулся.

– Слухи ходят, да?

Ира кивнула.

– Ну и пошли все к чёрту. – Они вышли на улицу и оба невольно замедлили шаг. – Ира, я, правда, рад, что тебя здесь встретил.

Так и хотелось спросить: с чего бы это? Но лишь вежливо улыбнулась, не зная, что сказать в ответ. Она была не особо рада. И, наверное, это было заметно, потому что Лёшка следующую фразу произнёс с некоторым нажимом.

– Рад узнать, что у тебя всё в порядке.

– А у тебя всё в порядке?

– Ты спрашиваешь о том, женат ли я?

Ира достаточно холодно улыбнулась.

– Я знаю, что ты женат. Все знают. Слухи, помнишь?

– Даже обо мне! – Он усмехнулся. – И что говорят?

– Честно? Что ты весь в отца.

Лёшка глаза опустил.

– И что-то мне подсказывает, что дело не во внешности.

Ира отступила от него, вдруг устыдившись своих намёков. Будто всерьёз рассчитывала услышать от него что-то для се-

бя приятное. А пока обдумывала, как ей с ним проститься, Алексей сказал:

– Я женат, сыну два.

– Здорово. Поздравляю.

Он смешно поморщился.

– Ты не слишком рада нашей встрече, да?

– Я не знаю, Лёша. Я на неё никак не рассчитывала.

– Что ж, я тоже не рассчитывал. – Они замерли, глядя друг другу в глаза, и обоим стало неловко. Ему на мгновение, а Ире всерьёз и надолго. Она первой отвернулась, окинула взглядом улицу и несколько суетливо взмахнула рукой, подзывая такси. Алексей наблюдал за ней, прошёлся взглядом по её фигуре, по открытой спине, заметил, как Ира высоко вскинула подбородок, явный признак того, что сильно нервничает. Надо же, он, оказывается, ещё помнит, ещё понимает, читает её... Эта мысль удивила, даже позабавила, но он по-прежнему смотрел на Иру и смотрел с удовольствием. Как когда-то. Правда, «когда-то» она была другой, не носила дорогих нарядов, в её ушках не блестели бриллианты, а на пальце обручальное кольцо. Она даже смотрела по-другому, не так колко и непримиримо, как сейчас. Но, кажется, он это заслужил. Это он тоже помнит, и именно потому, что помнит, не может её винить.

Такси остановилось совсем рядом, Ира на машину посмотрела, но просто открыть дверь, сесть в салон и уехать... от него, почему-то не получалось. Но и что ещё сказать –

не знала. Лёшка смотрел на неё, будто ждал, что она предпримет, и Иру вновь, будто волной, накрыло осознание того, что он рядом. Что они встретились, что судьба свела, что руку протяни – и коснись его. Когда-то она бы всё за это отдала. За одну минуту, одно прикосновение. Больше всего на свете, не смотря на свою злость, а иногда и ненависть, ей хотелось, чтобы этот человек, этот мужчина, вдруг возник из ниоткуда, вышел из темноты и сказал ей всего несколько слов. Ничего незначущих, но таких необходимых. Просто попросил: «Не плачь, Ириска». Но он не пришёл. Он обманул и исчез из её жизни, а ей пришлось самой справляться с огромным, невыразимо огромным разочарованием. И день за днём думать о том, что он живёт где-то далеко от неё, своей привычной и, наверное, счастливой жизнью, с молодой женой, а она лишь летнее приключение, лекарство от одиночества.

Всё это вернулось в один момент, и обидно стало совсем как тогда, пять лет назад, и Ира поспешила дёрнуть ручку на автомобильной двери, и больше не сказав ни слова, села на заднее сидение. Правда, кинула последний взгляд и успела заметить разочарованное лицо Алексея. Точнее, Алекса Вагенаса. Слово он расстроился из-за её поведения, необоснованной обиды или даже проявления юношеской вспыльчивости. Будто она не повзрослела. Взгляд, который Лёшка бросил на неё через стекло, был снисходительным.

– Поехали, – поторопила Ира водителя, торопясь закон-

читать этот вечер. – Быстрее, поехали. – Откинулась на спинку сидения и закрыла глаза.

А Алексей чуть слышно хмыкнул, глядя на габаритные огни такси, затем поправил бабочку. Если честно, хотелось снять её, расстегнуть воротник рубашки, а ещё лучше, плюнуть на всё и отправиться в гостиницу, но посмотрев на часы, понял, что ещё слишком рано. Он обещал родителям, что сделает всё, что в его силах, чтобы открытие выставки прошло на должном уровне. Ситуация и так была непростой, как выразилась мама: семья была на грани скандала, и они все должны были сделать всё возможное, чтобы его избежать. Алексей не совсем понимал, почему все должны это делать, и какую именно семью мама имела в виду, но послушаться не посмел. Не тогда, когда мама говорила с ним серьёзным тоном с явным намёком на свершающуюся трагедию. Конечно, проблемы, а особенно их последствия, были несколько надуманы, но кто станет спорить с Софьей Вагенас, когда она прониклась ролью, что преподнесла ей жизнь? Уж точно не он. Правда, с «семьёй» мама, конечно, перегнула. И если личная жизнь отца, его женитьбы и разводы, ещё как-то касались Алексея, он хотя бы должен быть в курсе происходящего, то родители в разводе уже тридцать лет, и с какой стороны мама приписывает себя к семейному древу Вагенасов, было не совсем ясно. Алексей прекрасно помнил своё детство и юность, когда мама не могла говорить спокойно о его отце, называла его не иначе, как древнегреческим бабником

(почему-то Софья Игнатьевна всегда называла бывшего мужа «древнегреческим», наверное, ей доставлял особое удовольствие тот факт, что Андреас был старше её на двенадцать лет). Они состояли в браке от силы пару лет, поженились перед самым рождением Алексея, и он, по понятным причинам, совершенно не помнит и даже не представляет семейную жизнь родителей. Это всегда казалось абсурдом – представить этих двоих, вздорных и нетерпимых к недостаткам другого людей, вместе, любящими друг друга, прощающими и проявляющими хоть какую-то нежность. Нет, то, что родители неровно друг к другу дышат, даже сейчас, он знает точно, но на любовь, на покой и умиротворение, на все те необходимые для семейной жизни качества, их отношения не похожи совсем. Оказываясь в одной комнате, они беспрестанно пререкаются, кидаются обвинениями, порой совершенно нелепыми, и в полный голос удивляются, как когда-то смогли прожить вместе хотя бы неделю и не поубивать друг друга. Всё это происходило, сколько Алексей себя помнил. При этом родители не злились всерьёз и не испытывали ненависти, просто они оба были творческими людьми, и не выносили, когда кого-то из них пытались ограничить в выражении чувств. Мама не понимала, почему она должна уступать мужу, хотя бы в такой малости, как любовь ребёнка, а отец, со свойственным ему греческим темпераментом, заявлял, что она совершенно спятила и растит из мальчишки ботаника и мямлю, который будет способен только деклами-

ровать стихи на подмостках какого-нибудь среднестатистического театра. Мама каждый раз принимала это на свой счёт и начинала кричать в ответ, что он просто невежда и понятия не имеет о настоящем искусстве, что для отца красота – это взять тесак и залезть на валун, как дикарю какому-нибудь. Стихала буря обычно также неожиданно, как и начиналась. Родители успокаивались, расходились по разным комнатам, забывая о ребёнке, который в первые десять лет своей жизни в растерянности замирал, не зная, за кем бежать в первую очередь. Это уже когда подросток, понял, что бежать-то и не надо, лучше заняться своими делами. Любимые родители и без него помирятся и снова поссорятся, помощники им не нужны. Кстати, их отношения не изменило ни время, ни количество браков, на двоих – семь. Жёны и мужья присутствовали, но существовали как бы в другой реальности, за пределами их «семьи».

Кажется, мама права, и у них всё-таки семья, пусть и ненормальная. Не зря же Софья Игнатьевна, не смотря на свои два последующих брака, не поменяла фамилию первого мужа. Она говорила, что её в театральном мире знают именно, как Софью Вагенас, но Алексей уже давно перестал в это верить. Что-то ещё было, помимо фамилии. Может, любовь и привязанность? Несколько извращённые...

И вот теперь отец снова задумал разводиться. Его последняя жена, Клодия, была младше Алексея на семь лет. Решительная брюнетка с пышными формами, также решительно

пыталась загнать отца в угол, и отсудить у него половину состояния. Правда, наличие брачного договора её расстраивало, и Клодия всерьёз угрожала, что не получив желаемых денег, по всему миру разнесёт молву о сексуальных пристрастиях отца. Помнится, когда мама об этом узнала, как-то нехорошо усмехнулась, Алексею даже показалось, что чутьточку злорадно, и он лишь вздохнул. Печально и расстроено. Он не был удивлён, ничему, что касалось его родителей, он уже давно не удивлялся. И ему даже не особо любопытно было, что же это за пристрастия такие (меньше знаешь – крепче спишь, как говорится, хотя, если вспомнить о наследственности, то поинтересоваться, наверное, стоило бы), но ясно было, что разбираться со всем предстоит ему. Поэтому он позвонил отцу и напрямую спросил, стоит ли беспокоиться. Тот в ответ выдал гневную тираду минут на десять, заявил, что все бабы – дуры, не понимают, чего хотят, конечно же, припомнил мать, которая хоть и не такая дура, как Клодия, но тоже ушла недалеко, раз сбежала от своего счастья и до сих пор дуется на него, как мышь на крупу. А всё почему? Потому что он настоящий мужчина и любит женщин. И не просто женщин, а красивых женщин, и отказать им не может. Но он совершенно не виноват, что они такие дуры.

Во всей этой ситуации радовало одно – Алексей был очень похож на отца. Он надеялся, что только внешне, хотя тревожные звоночки несколько раз в его жизни звучали. Но ес-

ли это так, то Алексей очень надеялся, что в возрасте отца будет также бодр, оптимистичен и не лишён некоторых... хм, желаний.

Надо же было найти что-то хорошее, правда?

За глаза его тоже называли бабником, гулёной и похитителем сердец. Что сказать, молодость была бурная. Но несколько лет назад он встретил Свету, и заставил себя смирить некоторые желания, а точнее, нежелания. Перед глазами был отцовский пример, и становиться таким, как он, падким на молоденьких красавиц, не хотелось. Всё-таки мечталось о семье, настоящей, и хотя чувствовал некоторое душевное сопротивление, Алексей приложил усилие и его поборол, чему очень рад. Можно сказать, что он живёт ради блага своей семьи. Родителей, жены, ребёнка. Своего бизнеса. Что, разве дело, построенное с нуля, собственными руками, не может являться членом семьи, особенно если уделяешь ему столько времени? Это ещё один ребёнок, детище.

Конечно, он не образец для подражания, не идеальный муж и, к сожалению, не всегда идеальный отец, каким хотел бы быть, но он старается. Он живёт ради того, чтобы стараться, чтобы доказать своему сыну, что семья – это хорошо и правильно. Что дом, это не то место, где родители кидаются друг в друга диванными подушками и бьют посуду, а потом целуются по углам. Он всеми силами старается создать другой мир, другую жизнь для своего ребёнка, и даже собственным родителям запретил выяснять отношения на гла-

зах у внука. В его доме всё по его правилам. Все склоки, будьте добры, оставить за порогом. Если бы ещё отец своих жён и любовниц оставлял где-нибудь в другом месте. На каком-нибудь необитаемом острове в Средиземном море. Было бы просто замечательно. Тогда бы ему, Алексею, не пришлось бы мотаться из Москвы на Кипр, с Кипра в Афины, а из Афин в Лондон, пытаясь замять скандальный развод. Он бы был дома, рядом с женой, с сыном, а не здесь. И тогда бы не столкнулся с Ирой.

Не увидел бы, какой она стала, и не узнал бы, что она с некоторых пор англичанка.

Что-то мысли не в ту сторону направились.

Ира. Ириска. Молоденькая, пленяющая своей естественностью, подрабатывающая вожатой в летнем лагере на Чёрном море. Он помнил её, очень хорошо и очень остро, наверное потому, что она была последним значимым приключением в его холостой жизни. Цветной яркой обложкой перед чередой однообразных черно-белых страниц. Он оставил её на набережной небольшого черноморского городка, чтобы вернуться в Москву перед самой женитьбой. И помнится, ему жутко не хотелось уезжать от неё. Настолько не хотелось, что он отрезал себе ходы к отступлению, он рассказал ей, что женится через несколько недель. Что это лето ничего не меняет, и их отношения, безусловно, что-то значат, но не так много, чтобы он отказался от свадьбы. Светка ждала его в Москве, она купила свадебное платье, а его

мама организовала шумный банкет на триста человек. Был фейерверк и танцы, белые голуби, рвущиеся в голубое, по-осеннему пронзительное небо, обручальные кольца на пальцах и улыбка его молодой жены, счастливая и обезоруживающая своей искренностью. Всё это было правильно, всё это радовало, и этой радостью Алексей в тот день старательно маскировал оставшуюся горечь от прощания с холостой жизнью и воспоминания о прошедшем лете. Он не раскаялся, он был уверен в правильности своего выбора, они со Светой так долго шли к решению о свадьбе, чтобы всё законно и навсегда, что разрушить всё из-за страсти и мимолётного увлечения, казалось ужасно глупым и слишком похожим на горячность, с которой принимал решения его отец. Любить женщину, значит заботиться о ней, думать о её счастье и благополучии, не огорчать и не обижать, и он не мог, не посмел бы обидеть ту, что так долго любила и ждала его, верила ему. Он просил её руки, стоя перед ней на коленях, он ждал её ответа с трепетом и волнением, он хотел сделать её счастливой, роман с другой, пусть волнующей его кровь, пусть сбивающей дыхание одной-единственной улыбкой, был предательством и недоразумением. Конечно, он выбрал Свету. И был верен своему решению, был горд его правильностью, и уверен в их совместном будущем.

Да, Ира права, их встреча никак не предполагалась, не входила в его планы на ближайшие лет пятьдесят. Но, кажется, она тоже всё помнит, иначе бы не злилась до сих пор.

Хотя бы могла на него смотреть, без злости. А она не может.

– Алекс, чем вы занимаетесь?

Он растянул губы в ещё одной официальной улыбке.

– Я архитектор.

– Свой бизнес?

– Да, в Москве.

– Отец, наверное, гордится вами.

– Наверное... – Поспешил кивнуть и уже с уверенностью подтвердил: – Безусловно.

Снова кинул быстрый взгляд на часы.

– Я в восторге от выставки.

– «Гера» просто бесподобна. Её так долго ждали. Почему ваш отец раньше её не выставял?

Алексей посмотрел на скульптуру в центре зала, поднёс к губам бокал с виски.

– Думаю, потому, что она бесподобна. Никак не мог с ней расстаться.

– Говорят, что он лепил «Геру» с вашей матери. – Голос и взгляд журналистки был многозначительным. – Это правда?

– Думаю, об этом достоверно известно только моему отцу. Или вы спрашиваете, вижу ли я сходство?

Мраморные идеальные линии женского тела едва скрытые туникой приковывали к себе взгляды. А Алексей вдруг поймал себя на мысли, что глядя на эту красоту, думает не о самой скульптуре, не о матери, которая, помнится, кричала как

никогда громко, узнав, что отец решился представить «Геру» свету, а абсолютно о другой девушке, которая к его семье не имеет никакого отношения. Вдруг вспомнилась Ира, у воды, на фоне тёмного моря и заходящего солнца, с полотенцем, прижатым к груди, и никого вокруг. Дикий пляж, совершенная красота и чистота, и дикое желание, которое он чувствовал. Алексей отвернулся и сделал большой глоток виски. Интересно, о чём думал отец, когда создавал свой шедевр, своё совершенство?

Всё произошло само собой, Алексей совершенно не собирался ничего подобного делать, но прежде чем он успел подумать, осознать и принять верное решение, он схватил за руку проходящую мимо девушку, узнав её всего лишь по заколке для волос. Он схватил, она резко обернулась, видимо, испугавшись его прикосновения, а когда подняла глаза к его лицу, тут же разулыбалась.

– Алекс!

– Вас, кажется, зовут, Сьюзи? Вы подруга Иры.

– Иры, да... Она уехала домой.

– Знаю, я сам проводил её до такси. – Он смотрел проныкновенно, чуть шурился, а губы сами собой дёрнулись в усмешке. Всё это было рассчитано на женскую аудиторию, а Алексей прекрасно знал, как добиться от женщины желаемого. Это не так уж и трудно, с его-то генами. Он смотрел Сьюзи в глаза и видел, что она внутренне оттаивает, утрачивает бдительность, капля за каплей, и улыбается ему всё

шире и притягательнее. Он же по-прежнему держал её за руку, чуть выше запястья, но не удерживал её подле себя, он просто позволял ей стоять близко к нему. Уже он позволял, а она всеми силами старалась ему угодить, чтобы он ни в каком случае не отказал ей хотя бы в малости – побыть с ним ещё минуту. – Понимаете, Сьюзи, странно вышло, мы с Ирой заговорились, и забыли обменяться номерами телефонов. Я пробуду в Лондоне ещё несколько дней, хотел бы с ней встретиться. Чем, кстати, она занимается?

– О, она консультант по имиджу. – Алексей продолжал смотреть на неё, и Сьюзи поспешила пояснить: – Помогает людям делать покупки. Правильные...

– Но не всегда выгодные, да? – вставил Алексей и тут же улыбнулся. – Замечательная работа. Так вы дадите мне её номер?

– Вы давно знакомы? Она никогда не упоминала, что знакома с кем-то из Вагенасов.

– Думаю, она не придавала нашему знакомству такого значения.

– Удивительно, правда? Вы познакомились в Москве?

Его пальцы сжались чуть крепче, но Алексей поспешил справиться с собой, унять растущее раздражение, а Сьюзи улыбнулся. Едва ощутимо погладил девушку по руке и ненавязчиво развернул в сторону бара.

– Что-нибудь выпьете? Шампанского?

– С удовольствием. Вы расскажите мне о России? В Гре-

ции я была, очень красивая страна, а вот Россия...

Жутко болтливая и назойливая девица. Алексей потратил на неё не меньше полчаса. Нельзя же было схватить её за шею и встряхнуть хорошенько на глазах у двух сотен гостей, половина из которых журналисты? К тому же он боялся навести Сьюзи на мысль, что всё, чего он хочет в этот вечер – это добыть номер Иры. Нельзя было показать свой столь явный интерес и нетерпение. Он сдерживал себя, и за этой сдержанностью прятал вопросы и к самому себе, которые множились с каждой минутой. Зачем, для чего, на кой чёрт он всё это делает? Но записав полученный телефонный номер в контактный лист своего мобильного, почувствовал невероятное удовлетворение. Он вышел на охоту, и это был первый добытый в бою трофей.

Это было свидание вслепую. Надя несколько дней назад познакомилась в городе с парнем, а у того был одинокий приятель, и Ира сама не понимала, как согласилась составить ему на вечер компанию. На один вечер и то, только потому, что Надя очень просила. Она просила, смотрела умоляюще и молитвенно складывала руки на груди.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, Ира! Всего один вечер. Витька сказал, что его друг классный. Вдруг он тебе на самом деле понравится?

Ира недоверчиво посмотрела на институтскую подругу, вместе с которой приехала на лето в детский лагерь «При-

бой», в качестве возжатой. В то, что ей с первого взгляда понравится какой-то незнакомый парень, верилось с трудом, но Надя так просила и, кажется, переживала, боялась подвести нового приятеля, и Ира, в конце концов, сдалась, решив, что отправить подругу вечером в город одну, к двум незнакомым парням, тоже неправильно. Хотя, если бы её спросили, она бы с удовольствием никуда не пошла. Но чтобы иметь хоть какое-то представление о предстоящем, любопытствовала:

– Чем он занимается?

– Витькин друг?

Ира поморицилась.

– Нет, Витя твой. Зачем мне его друг?

– Ну, как же...

– Надя, не зли меня. Ты, вообще, уверена, что он тебе нужен?

Надя села на кровать рядом с ней, поджав под себя одну ногу.

– Конечно! Ты не представляешь, какой он классный!

Ира улыбнулась энтузиазму, прозвучавшему в голосе подруги.

– Ты познакомилась с ним три дня назад. Ты тоже не представляешь, классный он или нет.

– Не будь занудой, – расстроилась Надя. – Лучшие подумай, что наденешь.

– Будто у меня большой выбор. Я приехала с одним рюкза-

заком.

— А я тебе говорила!.. Ладно, дам тебе своё жёлтое платье.

Жёлтое платье оказалось коротковато, Ира была выше подружки на полголовы. Зато с босоножками на платформе смотрелось сногшибательно, о чём Надя сообщила Ире в некоторой задумчивости. Обошла её по кругу, разглядывая, на её лице уже не читалось прежнего энтузиазма. Ира, никогда не считавшая себя красавицей, над выводами подружки посмеялась, и чтобы немного её успокоить, забрала волосы в банальный хвост, и даже краситься не стала.

— Так лучше?

— Нет, но так мне спокойнее. У тебя слишком длинные ноги.

Ира на свои ноги посмотрела, усмехнулась.

— С этим я ничего сделать не могу.

На свидание она шла без всякой надежды провести вечер приятно. Ничего хорошего от знакомых Нади не ждала, у той всегда был довольно странный вкус в отношении парней. Вечно подбирала странных, в татушках и с пирсингом, и поэтому увидев Виктора, высокого и широкоплечего, со смеющимися глазами и ямочками на щеках, была приятно удивлена. А Надя повисла у него на шее, с визгом и радостным смехом, и поцеловала так, будто встретила любимого мужа, вернувшегося из кругосветки. Кажется, три дня знакомства ни её, ни его не смущали. Они целовались с такой

страстью, что потеряли счёт времени и чувство реальности, а Ира замерла рядом с ними, от неловкости не зная, куда глаза отвести. Замечательный вечер ей предстоит.

Потом поняла, что её разглядывают. Осторожно головой повертела, оглядываясь, затем обернулась и обнаружила за столиком неподалёку молодого человека. Он сидел в расслабленной позе, пил пиво из высокого бокала и её разглядывал. Точнее, её ноги. С большим интересом. Очень захотелось платье одёрнуть, чтобы оно стало подлиннее, хоть немного, но мечтать об этом было бесполезно, проще напустить на себя невозмутимый вид и решить, что ей наплевать.

– По-моему, они ещё не скоро закончат, – сказал молодой человек в тот самый момент, когда Ира отвернулась, всё-таки решив, что ей наплевать. То есть, смогла себя в этом убедить. – Садись.

Значит, именно он сегодня её пара. Замечательно. Под его взглядом Ира чувствовала себя голой. К тому же, молодой человек оказался старше, чем она предполагала, ему было никак не меньше двадцати пяти. В глазах лёгкая насмешка, он не отрывал от Иры взгляда всё то время, пока она принимала решение – сесть ли ей за его столик, потом шла по направлению к нему, и, наконец, опустилась на стул. Между прочим, сразу почувствовала себя увереннее, спрятав от него свои коленки. Но посмотреть ему в глаза, на это смелости не сразу набралась. Снова оглянулась на целующую-

юся парочку, и мысленно Надю пнула.

– Я уже не жалею, что согласился прийти.

Ирин взгляд метнулся к лицу незнакомца.

– А отказывались?

– Была такая мысль. – Он протянул ей руку через стол. –

Алексей.

Она смотрела на его большую ладонь, заметила свежие мозоли, и пожала его руку очень осторожно.

– Ира.

Он словно гипнотизировал её взглядом. Тёмные волосы падали на лоб, глаза смотрели озорно, а от уголков разбежались лучики морщинок, зато губы кривились в усмешке. Вроде не враждебной, не злой, но Ира почувствовала себя в ловушке. Алексей продолжал держать её за руку, и казалось, что это ничего не значит, он просто забыл отпустить её руку, но кожу в месте прикосновения начало покалывать, это было незнакомо и настолько удивило, что Ира на свою руку посмотрела, будто она чужой стала.

– Не знаю, как вам, Ира, а мне очень приятно.

Руку она освободила, и, наверное, от волнения, заговорила несколько резко.

– Правда? Почему?

Он ответил абсолютно серьёзно.

– Потому что у вас очень красивые ноги. Хотелось бы оценить всё остальное.

Что сказать? Лёшке всегда было наглости не занимать

Утром Ира проснулась с мыслями о нём. И чувство такое, что они и ночью её не покидали. Внутри знакомый жар, одеяло откинула, глаза открыла и сразу подумала о нём. И так разозлилась на себя в этот момент! Ну почему, почему она о нём думает?

Вчерашний вечер остался в прошлом, и думать о... Алексе Вагенасе (она теперь даже мысленно не станет называть его Лёшкой. Он не Лёшка, он чужой муж), больше не нужно. Нельзя, необходимо запретить себе. Особенно, забыть, как он смотрел на неё, будто чего-то ждал, какой-то приветливости или лёгкой улыбки в память о прошлом. Но откуда ему знать, что именно она помнит?

Одиночество сегодня с самого утра тяготило. Ира встала, сварила себе кофе, стараясь не задумываться о том, что в квартире непривычно тихо. А тишина будто подталкивала её к ненужным мыслям. Чтобы избавиться от них, позволила мужу, и совсем не удивилась, когда на звонок ответил не он, а свекровь. Спрашивать где Миша – было бесполезно, Валентина Александровна тут же принялась рассказывать ей о Париже, о том, как замечательно они проводят время, и как она, лично она, давно об этом мечтала. Надо думать, мечтала, с того самого дня, как Миша их познакомил. Валентина Александровна мечтала о том, чтобы забрать своего любимого сыночка обратно себе, ведь непонятно как он оказался принадлежащим совсем другой женщине, жене, а разве Ира

может быть этого достойна?

Спорить Ира не стала, вслух порадовалась за «родных» ей людей, попыталась намекнуть на то, что хотела бы с Мишей всё-таки поговорить, хоть минутку, но её снова перебили, и она сдалась. Ладно, в конце концов, Миша сам ей позвонит, соскучившись. Ира телефон отложила, и на минуту замерла в этой дурацкой тишине, на этот раз прислушиваясь к самой себе. Точнее, понять пыталась, насколько она по мужу соскучилась. Настолько, чтобы не думать о Лёшке? Или не соскучилась именно потому, что Вагенас встретился ей вчера и спутал мысли и чувства? Ей некогда скучать по мужу, ей нужно в себе разобраться, успокоиться.

И как же этому успокоению помешал звонок Сьюзи! Она, кажется, даже поздороваться забыла, тут же начала пересказывать ей события вчерашнего вечера, всё, что считала, Ира пропустила. А когда в пятый раз прозвучало имя Алекса, Ира не на шутку насторожилась.

– Ты ещё с ним разговаривала?

– Полвечера, – вроде бы похвастала Сьюзи.

– С чего бы это?

– А ты удивлена? Как это мило с твоей стороны, подруга, сомневаться в моём обаянии.

Ира невольно нахмурилась. Сунула под мышку клатч, хлопнула входной дверью и со второй попытки попала ключом в замочную скважину. Солнца сегодняшним днём тоже не наблюдалось, дул неприятный ветер, и, кажется, намечал-

ся дождь. Ира подняла глаза к хмурому небу, понимая, что её настроение сегодня ничуть не лучше.

– Я не сомневаюсь, Сьюзи, просто... не думаю, что тебе это на самом деле нужно.

– Что? Роман? Очень даже нужно. Ира, я же чахну. Ты не замечаешь?

– Ну раз ты так говоришь... – пошла она на попятную. И тут вспомнила главное обстоятельство, что когда-то едва не лишило её сердца. – Сьюзи, он женат.

В ответ услышала вздох.

– Знаю. Но ты должна согласиться, что устоять невозможно. – Ира на секунду глаза прикрыла, ухватившись за дверцу машины. – Кстати, я ещё злюсь на тебя. Ты мне не сказала, что знакома с ним.

– Я не знала.

– То есть?

– То есть, наше знакомство не носило столь... серьёзный характер. Я понятия не имела, что он Вагенас.

– Правда? Ты, наверное, удивилась.

– Да уж.

– И он о тебе расспрашивал.

– Да? – Ира нехорошо усмехнулась. Сидела в машине, одной рукой вцепившись в руль, и смотрела на свой дом. На серые влажные стены, на нахохлившиеся кустарники, которые, казалось, вот-вот встряхнутся, как дворовые псы, и холодные капли полетят во все стороны. В данный момент луч-

ше было думать о кустах, на которые раньше и внимания-то не обращала, чем о том, что говорила Сьюзи.

– Спрашивал, как ты живёшь и чем занимаешься.

– И что ты сказала?

– Правду. Это ведь круто звучит: консультант по имиджу.

– Это его слова? – нисколько в это не веря, поинтересовалась Ира.

– Почти. – Сьюзи легко рассмеялась. – Ты же знаешь, я тоже завидую твоей работе. Может, сегодня поработаем? – проговорила она с намёком, но Ира поспешила отказаться.

– У меня клиентка, извини. Я, если честно, тороплюсь. И, Сьюзи, – проговорила она, презирая себя за ноющее сердце, – будь благоразумна.

– Это ты о том, что Вагенасы – бабники?

– Именно, – отозвалась Ира без всякого энтузиазма. Разговор прекратила, сунула телефон в сумку и, наконец, тронула машину с места.

Подумать только, он очаровал её подругу! Вечер вдали от жены – и вот пожалуйста!

И она опять же о нём думает. Вместо того, чтобы сосредоточиться на потребностях и желаниях клиентки, она думает о бывшем любовнике, от которого в её жизни сплошное беспокойство и расстройство. Но одна мысль о том, что он сейчас в Лондоне, в досягаемой близости, покоя не давала. Одна надежда, что он скоро уедет, и их снова будут разделять тысячи километров, и даже их жизни пойдут в разных

направлениях. Так, как и должно быть.

На Бонд-стрит царило привычное оживление. Ира прошла к входу в торговый центр, перед вращающимися дверями, правда, приостановилась, огляделась зачем-то, а затем будто нырнула в омут с головой, в суету и напыщенный блеск торгового центра. С клиенткой встретилась в кафе, это был своего рода ритуал, провести первые полчаса за чашечкой кофе, обсуждая последние новости и намечая план покупок. К своему удовольствию почувствовала облегчение, поняла, что работа помогает отвлечься, и спустя час полностью окунулась в чужие проблемы и потребности. Заходила в знакомые бутики, цепким взглядом оглядывала витрины, снимала с вешалок один наряд за другим, и клиентке, приятной женщине лет сорока, улыбалась вполне естественно, ни на минуту не отвлекаясь от того, что та ей говорила. Когда телефон зазвонил, решила, что это Миша, даже сказала об этом с лёгкой улыбкой в качестве извинения. Отошла на несколько шагов от примерочной кабинки, воспользовавшись тем, что продавец принесла для примерки очередное платье, телефон достала и нахмурилась, увидев незнакомый номер. Сердце как-то нехорошо ёкнуло, будто в дурном предчувствии, и Ира поняла, что оно не ошиблось, как только услышала голос в трубке.

– Откуда у тебя мой номер и зачем ты мне звонишь? – поинтересовалась она куда более нервно, чем ей бы того хотелось. А всё потому, что её бросило в жар при первых звуках

его голоса.

– Не реагируй так, – попросил Лёша и даже вздохнул.

Этой просьбе Ира удивилась.

– А как я должна реагировать? Сказать, что безумно рада тебя слышать?

– Не безумно, но хотя бы без столь откровенного раздражения.

– Ну, извини.

– Ира. – Он помолчал, видимо, слова подбирал, потом сказал: – Я понимаю, возможно, ты не слишком рада была меня увидеть, и, допуская, что у тебя есть для этого причины...

Ира даже зажмурилась, слушая его. Бред полнейший...

– Но я хотел бы тебе объяснить.

– Что объяснить?

– Ира. – Судя по звукам, Лёшка тоже был на улице, Ира слышала шум машин, выкрики газетчика, да и Алексей дышал так, будто торопился и почти бежал. – Я уеду послезавтра, и мы, наверное... возможно, больше так никогда не встретимся, и мне не хотелось бы думать, что ты меня ненавидишь.

Ей очень хотелось подтвердить его слова, просто сказать, прямо и открыто: «Ненавижу», но это слово прилипло к языку, и она молчала. Молчала, молчала, и слушала его. Его осторожные слова, вкрадчивый тон, а думала о том, что, скорее всего, он прав, и они больше никогда не столкнутся вот

так, как вчера, в толпе, случайно. Больше никогда. Молния ведь не бьёт в одно место дважды.

– И если тебе кажется это смешным, что ж – пусть. Но я прошу тебя о встрече. Об одной встрече, обеде, ужине, полднике, чёрт возьми.

Ира сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями. Кинула быстрый взгляд через плечо на примерочную, а затем попыталась добавить в голос язвительности.

– Кажется, ты стал слишком щепетильным, Лёша. Озабоченным спокойствием своей души.

– А ты научилась огрызаться, как посмотрю.

Ира руку в кулак сжала, и ногти впились в ладонь. Это было безрассудство, немислимое безрассудство, а попросту ошибка. Самым правильным было отказать ему и отключить телефон, и впредь никогда о Лёшке не вспоминать, но она знала, что подобное решение ей не по плечу. Даже если она и проявит стойкость сейчас, то уже завтра, а тем более послезавтра, когда он покинет Лондон, начнёт мучиться и сомневаться в своей правоте. Гадать, что он собирался ей сказать, и вдруг бы ей после стало легче. А она струсила, и всё осталось по-прежнему. Вся боль и обида так никуда не ушли и вряд ли уйдут. Даже если пройдёт ещё пятьдесят лет, она забудет его и как он выглядел, будет помнить о том, что ею пренебрегли и растоптали. Так почему бы не дать себе – именно себе, а не ему, – шанс разобраться во всём? Правда, нужно держать дистанцию и не позволить Лёшке себя запу-

тать.

– Я выпью с тобой кофе, – сказала она наконец.

Он помедлил с ответом, словно думал, что она выдвинет какие-нибудь условия. После чего осторожно согласился.

– Хорошо. Кофе – это хорошо. Где и когда?

– Через два часа... Сейчас у меня клиентка.

Они договорились о встрече в небольшом ресторанчике на Оксфорд-стрит, и даже не попрощались перед тем, как отключить телефоны, оба были настороже. Ира ладонь к сердцу прижала, чувствуя, как-то болезненно колотится. Её тревожила скорая встреча.

Следующие два часа, казалось, на годы растянулись. Ира без конца смотрела на часы, но стрелка будто прилипла к одному месту, минуты в часы никак не складывались. Ире даже начало казаться, что она от волнения задыхается. В какой-то момент вспомнила о том, что с мужем сегодня так и не поговорила, а сейчас уже не хотела говорить. Ощущение такое, что она его предаёт. Что идёт на встречу с бывшим, и это преступление. Думала о Мише, а перед глазами Лёшкино лицо, взгляд, которым он вчера её провожал. Она уже сто раз покаялась, что согласилась на встречу. Разве она сможет держаться независимо и огрызаться, как он выразился, сидя напротив него и глядя ему в глаза?

Войдя в призывно распахнутые двери ресторана, сразу прошла к большому зеркалу на стене и цепким взглядом окинула своё отражение. Нервным движением поправила от-

ворот кардигана, взбила волосы, губы облизала... а следом зло себя одёрнула. Зачем она всё это делает? Ей некого впечатлять. Но то, что он увидит её и, наверняка, снова примет-ся оценивать, пытаясь сравнить её настоящую и прежнюю, покоя не давало. Прошло пять лет, и хотелось бы верить, что она на самом деле изменилась, повзрослела, а не выдаёт желаемое за действительное.

Вот только прихорашиваться было не для кого, она пришла первой, осмотрела зал, удивляясь, почему Лёшки ещё нет, она сама на пять минут задержалась, после чего прошла к столику у окна, и несколько смущённо улыбнулась подоспевшему официанту. Замечательно, она ещё и ждать его вынуждена. Будто это она, а не он, просила о встрече.

Лёшка появился через пятнадцать минут. Ира к тому моменту уже успела столько раз себя обругать и такими словами, что перед самой собой уже было неловко за то, что до сих пор сидит и ждёт. Но увидев его, запыхавшегося и виноватого, осталась сидеть на месте, хотя ещё десять секунд назад собиралась встать и уйти. А сейчас смотрела на него во все глаза, ненавидя себя за малодушие.

– Прости. Прости, прости. Я не вожу здесь машину, а такси оказалось поймать не так просто. – Он сел и попросил у официанта кофе. С коньяком. Ира наблюдала за ним, правда, стараясь делать это не слишком явно. Как только взгляд Алексея вернулся к её лицу, поспешно опустила ресницы.

– Тебе Сьюзи дала мой номер? – спросила не из любопыт-

ства, ответ и так знала, просто нужно было что-то сказать ему, начать разговор, скинуть с себя оцепенение.

– Сьюзи, – отозвался он. – Уговорить её оказалось не так просто, она перед этим мне двести вопросов задала. Общительная девушка.

Алексей сделал попытку улыбнуться, Ира не ответила, и повисло неловкое молчание. Принесли кофе, Лёша негромко поблагодарил и поторопился сделать глоток. А сам на Иру исподлобья поглядывал. Она была расстроена, нервничала, смотрела в окно, а не на него, и вообще всё было неловко и даже неприятно, но он всё равно радовался, что она согласилась на эту встречу. Зачем ему самому с ней встречаться – понятно было не очень, он даже не знал, что говорить: оправдываться и просить прощения? Наверное, именно это и нужно сделать, а он просто смотрел на неё.

– Тебе идёт эта причёска.

Ира машинально подняла руку к своим волосам, откинула выходящие пряди за спину, а Лёша продолжил:

– Ты стала светлее и... красивее.

– Ты хотел сказать кудрявее?

– И это тоже. Тебе идёт.

Она лишь кивнула, никакой открытой благодарности.

– Как ты живёшь? У тебя всё хорошо?

– Странная тревога о женщине, с которой у тебя был курортный роман.

Он покрутил чашку, разглядывая её.

– Ну, это был не совсем курортный роман, согласишься.

– Возможно.

– Возможно? – Он всё-таки улыбнулся.

Ира разозлилась, посмотрела на него и намеренно нахмурилась.

– Лёша, ты хотел встретиться со мной. Чтобы обсудить, как у нас с тобой всё отлично складывалось? Пока ты не бросил меня, чтобы жениться на другой. По-моему, этими двумя предложениями можно довольно чётко описать наши отношения. Ни добавить, ни прибавить.

– Ты так думаешь?

– Я так помню! И не понимаю, почему сижу здесь, смотрю на тебя и почему я должна всё это вспоминать. Всерьёз думаешь, что мне приятно?

– Нет, я так не думаю. Именно поэтому ты сидишь здесь.

– Ах, вот в чём дело. – Она раздражённо выдохнула. – Я могу тебя простить, могу произнести это вслух, глядя тебе в глаза...

– Это будет искренне?

Ира зацепилась за его въедливый взгляд, и по коже мурашки побежали.

– Тебе ещё и искренность мою подавай?

– Я просто хотел, чтобы мы поговорили. Спокойно, без нервов, без удивления от случайной встречи.

– Как друзья? Поделились переменахми в личной жизни?

Алексей глаза опустил, попытался собраться с мыслями.

– Я должен был уехать. И, может это глупо прозвучит, но мне показалось, что если я и в этот раз просто исчезну, это будет неправильно. Я тогда тебе ничего не объяснил, хотя должен был, и... наверное, меня это мучило.

Ира смотрела на него с искренним изумлением, а когда он добавил:

– Довольно долго, – даже рассмеялась.

– Я польщена, честно. Оказывается, тебя ещё и совесть мучила. Замечательно.

Алексей недовольно сдвинул брови.

– Не язви так откровенно.

– Почему? Прошло пять лет, Лёша, может я именно такой и стала – язвительной мегерой? Люди, знаешь ли, меняются.

– Это точно.

Ира сверлила его взглядом, затем нервно сглотнула.

– Какая же я дура, что пришла.

Он схватил её за руку, будто испугавшись, что она встанет и уйдёт.

– Ладно, успокойся. Я понимаю, что ты имеешь право обижаться на меня, но я, действительно, просто хотел узнать, что у тебя всё в порядке. Наша встреча вчера – это... было весьма неожиданно, согласись. Я даже не сразу тебя узнал. То есть, узнал, и сразу, но... ты совсем другая.

Ира смотрела на его руку, что так запросто накрыла её ладонь, и глаз отвести не могла, а ещё пошевелиться не могла. Кожу жгло, дыхание пропало, а Лёшка говорил и говорил,

а ей хотелось плюнуть на всё и расплакаться. Вспомнила, как стояла на набережной, ждала его, а он всё не шёл, и она волновалась. И ещё не чувствовала себя брошенной и обманутой, это пришло потом, и выжгло внутри огромную рану.

Она осторожно вытянула свою руку из-под его ладони, и сразу спрятала её под стол. То, что так отреагировала на его прикосновение, не на шутку обеспокоило. Попыталась взять себя в руки и негромко и несколько неуверенно проговорила:

– Тебя тоже было сложно узнать. В смокинге.

Алексей воспринял это по-своему, как намёк, и вновь попытался объяснить:

– Тем летом всё было по-другому. Набирался опыта перед самостоятельным стартом, так сказать. – Взгляд Иры был непонимающим, и он пояснил: – Я архитектор. В то лето работал помощником у своего бывшего преподавателя. Он предложил, а я согласился. – Лёша усмехнулся. – Концертный зал строили. Сейчас уже смешно.

– А сейчас ты что строишь? – с ноткой ехидства поинтересовалась Ира. – Небоскрёбы?

Он неожиданно кивнул.

– И такой проект есть.

Она задохнулась от его прямого взгляда, снова отвернулась, нервничая, схватила серебряную ложечку и принялась крутить её между пальцев.

– Я должен был уехать, – повторил он, его голос прозвучал

глухо, но достаточно твёрдо. И глаз с её лица не спускал. – Всё это было здорово, эти два месяца с тобой, но это не отменяло настоящей жизни. В Москве меня ждали, и я должен был, Ира.

Она судорожно вздохнула.

– Это и есть твоё объяснение? Может, ты забыл, но ты сказал мне это пять лет назад. Что ты должен уехать, потому что должен жениться. Вот и всё, что я помню. И сейчас ты повторяешь тоже самое. Больше сказать тебе нечего?

Он расстроено качнул головой.

– Наверное, нечего. Это было важное решение, и его было непросто принять.

– Правда? – Она не верила ему. Ни единому слову не верила, ни единому взгляду. Он старался быть искренним, смотрел на неё с сожалением, но всё это не имело смысла. Ира не понимала, для чего он всё это ей говорит, через пять лет. Сейчас, когда у неё муж, а у него жена и ребёнок. Для чего ей всё это слышать?

Ложечку на скатерть кинула и выпрямилась, заставила себя сделать вдох, в надежде успокоиться и справиться с негодованием, в котором не было смысла, срок давности истёк.

– Хорошо, Лёша. Давай на этом закончим. Я поняла, что ты должен был и обязан, и что для тебя долг – дело не последнее, но зачем мне обо всём этом знать – я не понимаю. Скажем, на данный момент ты поступил благородно, попытался объясниться, и я сделаю вид, что тебе удалось. У тебя

всё хорошо, у меня всё хорошо, и, наверное... мы больше не встретимся.

– Просто я хочу, чтобы ты знала. Я не просто повернулся и ушёл, я думал о том, как поступить.

Ира облизала сухие губы.

– И я проиграла.

– Светка... Она была рядом не один год, и наша свадьба была делом решённым. Мы к тому моменту жили вместе два года, я не мог просто повернуться и уйти. Я многим ей обязан, за поддержку, за... любовь. Ир, это были прочные отношения. Я уехал на пару месяцев, она к свадьбе готовилась, платье купила, – он вдруг заторопился, зачастил, пытается Ире объяснить. – Она уже давно была членом семьи, и я не мог так поступить с ней.

– А со мной смог. – Ира ненавидела себя за этот тон, за тихий, обвиняющий шёпот, когда уже ничего не скроешь и не притворишься, что ты сильная и тебе всё равно, что он говорит. – Конечно, кто я такая? Девочка, с которой ты поразвлёкся перед свадьбой. Почему-то ты не думал о том, какая она хорошая и что ты не можешь с ней так поступить, когда спал со мной. Правильно, измена, о которой она не узнает, это ведь не измена? И на твою любовь это никак не повлияло. И на твою благодарность, и чувство долга. О чём ещё я забыла?

– О том, как я хотел тебя.

От его слов щёки предательски зашипало, но Ира собрала

всю волю в кулак и отодвинулась от стола, скомкала льняную салфетку.

– Мне было двадцать, и я ещё не знала, что «хочу» и «люблю» – вещи разные. Теперь я это знаю. Только не понимаю, почему ты сейчас оправдываешься. Через пять лет. Мне плевать на все твои благие побуждения, что бы ты сейчас ни сказал, это не изменит того, что ты бросил меня, чтобы уехать и жениться на ней. Потому что должен был. А меня ты лишь хотел, ты меня получил, и теперь не морочь мне голову.

Она взяла свою сумку, что лежала на соседнем стуле, и решительно поднялась. Лёшка наблюдал за ней, откинувшись на стуле, и выглядел разозлённым. Это было невероятно, но он ещё и злился на неё. И именно это не позволило просто уйти. Ира стояла и смотрела на него. Так хотелось швырнуть в него чем-нибудь, вазой с цветами, что стояла на их столике, или снять туфлю и от души его ею стукнуть. Когда смотрела на него, ощущение было такое, словно этих лет и не было. И она злилась и страдала так же, как в тот день, в который он ушёл от неё. И задавала себе лишь один вопрос: неужели такое возможно, чтобы спустя столько времени она всё ещё чувствует это?

Алексей на неё не смотрел, полез во внутренний карман за бумажником, достал пару купюр и прижал их к столу своей чашкой. Потом поднялся и взял Иру за локоть.

– Пойдём. Здесь мы привлекаем много внимания.

Она пошла за ним, не до конца понимая, почему это де-

лает, наверное потому, что ей не терпелось выйти на улицу. Покинуть, как ей казалось, душный зал, и рванулась в сторону, как только оказалась на свежем воздухе. Почувствовала, как пальцы Алексея скользнули от её локтя вниз, и как-то так получилось, что он взял её за руку. Успел, прежде чем она сбежала. Сжал ладонь, и потянул в другую сторону, за собой.

– Зачем ты только приехал? – спросила она, правда, адресуя этот вопрос не к нему лично, а скорее к самой себе. Шла за ним, понимая, что Лёшка вряд ли по доброй воле выпустит её руку из своей руки, и с каждым шагом, с каждым взглядом на него, на неё находила непонятная апатия, не знала, как сопротивляться ему и надо ли это делать. Просто шла за ним, как когда-то.

Скрытый от постороннего глаза обширным кустарником дикий пляж, совсем небольшой песчаный островок посреди скалистого берега, они нашли случайно. Гуляли в первые дни знакомства, держась за руки и разговаривая, и набрели на него, в поисках подходящего места для купания. Прыгать в воду даже с небольшой скалы, Ира опасалась, а здесь мягкий песок и никаких посторонних вокруг. Приезжих и туристов в этих местах редко увидишь, слишком далеко от городских развлечений, из благ цивилизации только продуктовый магазин в деревне неподалёку, да телефон-автомат на автобусной станции. Отдыхающие в этих местах редко останавливались, если только детей в лагере на-

вестить приезжали. И поэтому Ира с Алексеем чувствовали себя спокойно, не боясь, что кто-то может помешать их уединению. Ей не всегда удавалось вырваться из лагеря в город, для студентов-вожатых были установлены определённые правила и распорядок, зато Лёшка, если вечером не валялся с ног от усталости после работы на стройке, приезжал к ней, и они, бывало, гуляли едва ли не до утра. Ночи стояли тёплые, море приятно шумело, и проводить ночи на берегу, после московской суеты и летней духоты – казалось настоящей роскошью. Всего-то и нужно было – пара одеял и одна подушка на двоих. А ещё звёзды в ночном небе и поверить в то, что это навсегда, и никогда ничего не изменится. Ира попросту млела от теплоты в душе и ощущения невероятного счастья, которое свалилось на неё неожиданно за тысячи километров от дома. Когда нет родителей рядом, которые бы контролировали и давали советы. Она чувствовала себя невероятно взрослой и умудрённой опытом. Каждое утро просыпалась с уверенностью, что понимает и знает об этой жизни, куда больше, чем все те взрослые, которые без конца наставляли её. Она мечтала о том, как осенью приедет и расскажет родителям о том, что с ней случилось чудо – она встретила самого замечательного мужчину на свете. И то, что он немного старше – это ей безумно нравится. Он особенный, лучше него нет, и он никогда не предаст. Ведь Лёшка так смотрит на неё, и всё время говорит, что даже не думал, что

с ним такое случиться может — что он встретит её. И она не думала, что встретит такого, как он. Он был немножко насмешлив и скептичен, но всегда её слушал и воспринимал всерьёз; он был настойчив и непреклонен в некоторых вопросах, но ей позволялось всё, или почти всё, и он лишь улыбался, даже когда она поступала ему наперекор. Он был решителен и знал себе цену, и никогда не поступался своими принципами. Да, он работал на стройке и не слишком задумывался о будущем, по крайней мере, обсуждать это не любил, но разве это важно? Они ещё так молоды. А когда они занимались любовью, она вспомнить не могла, что был кто-то до него. Не хотела вспоминать, и удивлялась, как могла думать, что любит кого-то, когда понятия не имела, что это значит до встречи с ним. Она совершенно потеряла голову, осознавала это, но только радовалась пришедшей любви, не сомневаясь, что всё будет так, как она задумала. Они вместе приедут в Москву, она познакомит Лёшу с родителями, а всё остальное, какие-то мелкие житейские трудности — не беда, они справятся. Он рассказывал ей о себе не так много, в основном про работу, про друзей, немного о родителях, которые давно в разводе, Ира всегда внимательно его выслушивала, чётко осознавая, что её Лёшка не из тех людей, которые запросто открывают душу. Надо дать ему время, чтобы он понял, что у него теперь есть человек, который всегда готов быть с ним рядом, который любит и всегда поймёт.

– Я люблю тебя, – нараспев проговорила она, проведя пальцем по его подбородку.

Лёша остановил взгляд на её лице, и переспросил серьёзным тоном:

– Любишь ли?

– Да.

– Мы не так давно знакомы, Ириска.

– А для этого нужно много времени? – удивилась она. – Я может, увидела и влюбилась?

Он рассмеялся.

– Правда?

Она кивнула весьма решительно, чем снова его насмешила.

– Да. Любовь с первого взгляда. Или ты не веришь?

– В тебя или в любовь с первого взгляда? – Он сделал попытку укунить её в плечо, затем быстро поцеловал в то же место. – Я в тебя верю. А любви с первого взгляда не существует.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что так и есть. С первого взгляда можно ощутить симпатию, оценить внешность, ладно, чёрт с тобой, даже влюбиться. Но любовь это нечто другое, ты не согласна? Она проверяется временем.

Ира не улыбнулась, не стала спорить и переубеждать его, напротив, задумалась, потом прижалась к его плечу и сказала:

— Ладно, тогда я полюбила тебя со второго взгляда. Это точно любовь.

Он согласно хохотнул и обнял её рукой.

— Как скажешь.

Тогда она не обратила внимания на то, что он о своей любви ничего не сказал. Она была счастлива тем, что имеет возможность открыто сказать о своих чувствах, которые так переполняли, и почему-то совсем не сомневалась, что Лёшка её чувства разделяет. Он был ласков с ней, нежен, мил, иногда строг, и снова нежен, но простого «люблю» она от него так и не услышала.

Он никогда не скрывал, что хотел её. Говорил об этом без стеснения и неловкости, и если в начале их отношений, Ира не знала, куда от смущения отвести глаза, то вскоре начала получать удовольствие от его слов. Никто и никогда до него не говорил ей этого, по крайней мере с подобной откровенностью. Были поклонники, даже была влюблённость и разочарования, был первый сексуальный опыт, но всё это было ничто и меркло на фоне настоящей любви. Ира даже не подозревала, что секс может быть таким — без неловкости и сомнений, без лишних мыслей о том, как правильно себя держать, да и подать. Лёшка был старше и опытнее, он хотел её и совершенно не собирался этого скрывать. Его мало, что могло смутить, и Ире он не оставлял ни сил, ни достаточного времени на сомнения и смущение. Он обнимал её ночами, прижимал к себе, чтобы ей было теплее,

а она порой просыпалась под утро, смотрела на светлеющий горизонт и думала о том, что могло произойти страшное, и они бы не познакомились. Не пришли бы на встречу, не приехали бы в этот город, и она бы никогда не узнала, что это такое – чувствовать себя любимой этим мужчиной. Лежать, прижимаясь щекой к его груди, чувствовать его дыхание, слышать стук сердца, и даже тепло, исходящее от него, невозможно будет забыть или спутать с чем-то другим. Он весь для неё.

А она для него.

– Что ты так смотришь?

Заметила, как Лёшка усмехнулся, словно до её замечания, сам не осознавал, что глаз с неё не спускает. Он шагнул ей навстречу, когда она выходила из воды, большое полотенце перед ней развернул, а когда Ира приблизилась, завернул её в него, обняв руками и так замерев.

– Ты очень красивая. Как Афродита, выходящая из морской пены.

Она рассмеялась.

– Говоришь со знанием дела.

– А то.

Ира вытянула руку, и он провёл по ней краем полотенца. Потом поцеловал в висок.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Ничуть.

Ира улыбнулась, осторожно развернулась в его руках,

чтобы быть к нему лицом.

– Просто ты меня любишь и не замечаешь недостатков. Он смотрел ей в глаза, с задумчивостью, потом его губы тронула улыбка.

– А у тебя есть недостатки?

– Конечно. Например, веснушки. Сейчас они почти незаметны, но они есть. Не смейся, правда, есть.

– Поверю тебе на слово, – шепнул он, целуя прохладные после купания губы. И серьёзно добавил: – Ты очень красивая девочка. И как я проглядел тебя в Москве?

– Москва большая, – вздохнула Ира. Прижалась к нему, укрытая полотенцем, губы скользнули по его груди. – Стоило приехать сюда, чтобы встретить тебя.

Лёша сунул руку под полотенце и провёл ладонью по её голой спине. Потянул тесёмку на бикини, другой рукой обхватил Ирин затылок, заставляя её повернуть голову, и наклонился к губам. Она, не раздумывая, на поцелуй ответила, подняла руки, чтобы обнять его за шею, и полотенце упало на песок, следом за ним последовал верх купальника, и Ира прижалась грудью к его груди.

– Солёная, – шепнул он, касаясь губами её шеи. На руки её подхватил, и понёс к импровизированной постели. Самому нужно было лишь снять шорты, и Ира рассмеялась, когда уже через секунду он оказался рядом с ней на одеяле и накинулся на неё с завидным нетерпением. В те ночи на диком пляже, казалось, что никого в целом мире, кро-

ме них не осталось. Ира отзывалась на каждое его движение стоном, а Лёшка, кажется, только этого и ждал, и наслаждался её реакцией и таким явным откликом её тела. Она нежно касалась его тела, гладила, потом начинала кусаться, при этом улыбаясь лукаво и двигаясь над ним, когда он хотел, чтобы она проявила инициативу. Смотрел на неё снизу, глаза мерцали, в них отражался огонь костра, страсть и ожидание ещё большего, что вскоре их настигнет, а ладони скользили по её телу, дразня, поднимались к груди и снова спускались на бёдра. Ира наклонилась, в желании его поцеловать, и длинные волосы упали ему на лицо и на грудь. Его пальцы сжались, собирая её волосы в кулак, всё это уже было ей знакомо – его желание и требовательность, и каждый раз Ира ловила себя на мысли, что в этот момент глаза у Лёшки становятся поистине безумными. Он стонал ей в губы, впиваясь пальцами в её бёдра, наращивая темп, а она зажмуривалась, не в состоянии в этот момент думать или на что-то отвлекаться. Она вся была для него, сосредоточенная на удовольствии, что он ей дарил, и с трудом сдерживаясь, чтобы уже сейчас не повалиться без сил ему на грудь, со сбившимся дыханием и колотящимся сердцем. Но нет, не сейчас, ещё немного, ещё минута, ещё несколько сильных и быстрых толчков, её стон, хриплый и удовлетворённый, дрогнувшие руки, которыми она упиралась в одеяло – и она открыла глаза, как раз в тот момент, когда Лёшка откинул назад голову и с шумом выдохнул. Он

всё ещё держал её, хотя пальцы на бёдрах разжались, наверняка оставив следы после столь страстного секса. Ира в его лицо вглядывалась, облизала сухие губы и улыбнулась, потом поцеловала в ставший колючим подбородок. Лёшка всё ещё лежал с закрытыми глазами, приходя в себя, его тело вздрагивало, а она его разглядывала.

— Лёша, — прошептала она его имя, просто потому что хотелось его произнести. — Лёшенька.

— Ш-ш.

Она улыбнулась шире, чувствуя невероятный душевный подъём от того, что она повинна в том блаженном выражении на его лице, что сейчас видит. Потом осторожно опустилась на него, положила голову ему на плечо, и расслабленно вздохнула. А Лёша обнял её двумя руками.

Ира была уверена, что это один из лучших моментов их лета. А вот Алексей запомнил другой, как несколько минут спустя она поднялась, красивая, обнажённая, сделала несколько шагов по остывающему песку, подняла полотенце и прижала его к груди. Не пытаясь прикрыться, а в задумчивости глядя на ставшее поистине чёрным море. Он смотрел на неё, зачарованный видом красивого молодого тела, его мягких линий, длинных волос, с которыми играл лёгкий морской бриз, и в этот момент впервые засомневался в планах на будущее. Глядя на эту девочку, которая несколько минут назад с такой готовностью, любовью и страстью отдавалась ему, невозможно было поверить, что он добровольно

от неё откажется. Что может быть что-то важнее её шёпота, её прикосновений и взглядов, полных доверия и любви. Любви к нему. И хотелось испить эту любовь до дна, получить всё, что она может ему дать, почувствовать себя всецело принадлежащим ей, а не просто смотреть со стороны... пытаюсь запомнить. И он завидовал тому, кто по праву сможет назвать её своей.

– Зачем ты мне позвонил? – Ира отодвинулась от него, а потом и вовсе отвернулась. Сидели на заднем сидении такси, как мало знакомые люди, на значительном расстоянии друг от друга, и задавались одним и тем же вопросом: почему они до сих пор рядом и подбирают слова? Но расстаться так и не получилось. – Если бы ты просто уехал...

Алексей голову повернул и с минуту вглядывался в её профиль, Ира казалась не на шутку расстроенной.

– Я не справился с искушением, – решил пошутить он. Но её это не развеселило, взгляд, который она на него кинула, был обвиняющим.

– Лёша, у тебя нет права...

– Я знаю, – перебил он. – Но, наверное, я надеялся, что мы оба воспримем нашу встречу, куда спокойнее.

Ира невольно усмехнулась, зло и недоверчиво. Посверлила взглядом затылок водителя, который без сомнения прислушивался, а из-за того, что не понимал незнакомую речь, ему было ещё больше любопытно. Напряжённые голоса

не давали усомниться в том, что разговор ведётся серьёзный и душещипательный, и водитель то и дело кидал заинтересованные взгляды в зеркало заднего вида, и Иру это всерьёз раздражало.

– Я просто хотел знать, что у тебя всё в порядке.

– У меня всё в порядке, – эхом повторила она.

– Ты давно замужем?

Ей не нужно было поддаваться и отвечать на его вопрос. Она даже помедлила, мысленно собираясь послать его к чёрту, но, в конце концов, произнесла:

– Два года.

Оценив её ровный тон, Алексей взглянул с интересом.

– Ты счастлива?

Она вцепилась в свою сумку.

– Это просто верх цинизма, – вырвалось у неё.

– Я просто спросил.

– А ты счастлив? – Ира повернулась к нему и взглянула с явным негодованием. Конечно, это не дело, вести подобные разговоры в присутствии незнакомого человека, но его непонимание, запреты снимало. – Ты, Лёша, счастлив? Всё ведь так, как ты хотел. И жена, и ребёнок. А ты сейчас здесь, и душу из меня тянешь. Или тебе непременно надо знать, что я до сих пор вспоминаю тебя с болью в сердце? Тогда вот тебе мой ответ: нет!

– Но я ведь не об этом спрашивал, – разозлился он.

– Знаешь, самое поразительное, что я об этом догадыва-

юсь. Ты светскую беседу поддерживаешь.

– Ты очень изменилась, Ира.

– Я повзрослела.

– И это тоже.

– Я повзрослела и перестала безоглядно верить первым встречным.

– Не такой уж я и первый встречный.

– Но ты был таким. И лучше бы им остался. – Зло хмыкнула. – Алексей Калюжный.

Он помолчал, после чего рискнул пояснить:

– Это девичья фамилия моей матери.

– А какое мне до этого дело? – Она окончательно вышла из себя, отвернулась к окну и губу закусил. То ли от бессилия, то ли от упрямства, не желая больше его слушать.

– Ира.

Она выдохнула. Посоветовала себе успокоиться, а так как отодвигаться было некуда, переложила с колен на сидение между ними свою сумочку. Повисла пауза, Ира смотрела за окно, через несколько минут они должны были свернуть и подъехать к гостинице, в которой Лёшка остановился. Это она настояла, чтобы он вышел из такси первым, в её планы совершенно не входило, чтобы Алексей, так или иначе, провожал её до дома. К тому же, она рассчитывала вернуться к торговому центру, на стоянке которого осталась её машина. Она и не вспомнила о ней, когда Лёшка вёл её за руку, она в тот момент абсолютно ни о чём не помнила и не дума-

ла, даже о муже. Возвращение к своему автомобилю должно было стать точкой возврата. Хотелось верить, что как только она сядет за руль и поедет домой, в свою привычную жизнь, покой вернётся. Всё вернётся, ощущения и здравомыслие, которые исчезли в тот момент, когда она увидела его вчера вечером. Но пока ещё были несколько минут, последних, самых последних, когда ещё можно что-то сказать, попросить его... не портить всё, что ей удалось создать.

Такси остановилось на светофоре, и Ире на одну секунду безумно захотелось открыть дверь и выйти. Выйти и убежать без оглядки.

– У меня всё хорошо, – сказала она, не глядя на него. – У меня хороший муж, у меня всё правильно... так как должно быть. У меня есть будущее, Лёша. А ты... – Она осторожно перевела дыхание. – Ты всё портишь. И не говори мне, что ты хотел лишь узнать, как у меня всё замечательно. Я, конечно, не твоя жена, я не прожила с тобой много лет... – Ира слышала, как Алексей недовольно вздохнул, но перебивать её не стал. – Но я, думаю, что хоть немного, но знаю тебя. И я тебя прошу – не порти всё.

Он усмехнулся, едва заметно и с явным сожалением.

– Ты его не любишь.

– Ты имеешь в виду, не люблю, как тебя любила? А с чего ты взял, что это недостаток? С чего ты взял, что я хочу... этого безумия в семейной жизни? И не смотри на меня так. Ты понятия не имеешь, каким человеком я стала. Как ты пра-

вильно заметил, я изменилась. И ты ни черта обо мне не знаешь! И уйми свою совесть, мне твои извинения и мучения не нужны. Я не столь злопамятна. Я просто хочу, чтобы ты уехал и оставил меня в покое. Не лез туда, куда тебя не просят. Возвращайся к жене...

– Хватит. – Он даже голоса не повысил и не взглянул на неё, но тон был ледяным, и Ира замолкла на полуслове, вдруг осознав, что на самом деле потеряла контроль. И все её слова, все требования, которые казались правильными и справедливыми, оказались ничем иным, как истерикой. Попыталась перевести дыхание, и лишь попросила, как только такси остановилось перед гостиницей:

– Иди.

– Я не хотел, чтобы наш разговор закончился так.

– Я, вообще, этого разговора не хотела. Но тебе ведь всё равно.

– Мне не всё равно, – начал он, но в следующую секунду махнул рукой, выказывая свою беспомощность. – Ладно. Я не буду больше ничего говорить. И мне, правда, жаль, Ириска. Мне очень жаль... что всё так. И тогда, и сейчас. Может, не умело, но я пытался попросить прощения.

Она убрала руку, испугавшись, что он рискнёт к ней прикоснуться. И ощутила разочарование оттого, что Лёшка этого не сделал. Открыл дверь и вышел, а она осталась, чувствуя невероятную тяжесть, духоту и практически физическую боль. От своих слов, его, от его ухода и всего, что с ни-

ми случилось — когда-то и сейчас. Машина тронулась с места, а Ира всё-таки не сумела удержаться и оглянулась, чтобы посмотреть на Лёшку, кинуть на него последний взгляд, а подумала о том, что история снова повторяется — он уходит от неё в свою привычную, устроенную жизнь. Но ей-то к чему снова слёзы лить? Теперь и её жизнь устроена.

Чёртово такси. Ира еле дождалась минуты, когда смогла его покинуть. Хлопнула дверцей, и остановилась посреди переполненной стоянки. Отчаяние и смута оставлять её не спешили. Смотрела на просветлевшее небо и не чувствовала себя живой. Как когда-то. Когда Лёшка исчез из её жизни. Искренне верила, что больше с ней подобного не случится, она ведь так старалась наладить свою жизнь, и верила, что у неё получилось, а он снова всё испортил. Появился и лишь этим всё испортил. За последние пять лет она успела позабыть, что её сердце умеет так биться. Быстро, гулко и болезненно. И вдохновенно. Не для неё, а для кого-то.

Дорога домой заняла больше времени, чем обычно. Это было странно, Ира была уверена, что сосредоточена, отслеживает каждый знак, встречающийся на пути, следит за светофорами, да и пробок не было, но когда оказалась в квартире, посмотрела на часы и поняла, что последний час просто стёрся из её жизни. Из памяти. Всё это время она думала о том, что снова простилась с Лёшкой. В памяти крутились его слова, и каждый раз Ира находила на них всё новые ответы, которые он уже никогда не услышит.

Как же она злилась! В пустой квартире места не находила. И если утром тишина и пустота комнат навевали грусть, то сейчас просто выводили из себя. Хотя не представляла, что бы стала делать, будь дома муж. Смогла бы скрыть своё состояние? Вряд ли. Но и наедине с собой мыслить рационально не выходило. Хотелось закричать и что-нибудь разбить. Даже окинула комнату ищущим взглядом, но следом заставила себя остановиться. Ещё не хватало лишить себя какой-нибудь дорогой сердцу безделушки из-за него.

– Как у тебя дела? Чем занимаешься? – Голос мужа в телефонной трубке звучал бодро, а вот Ире пришлось приложить усилие, чтобы справиться с собой. Слышала Мишин голос, а думала о том, что сегодня совершила непоправимую глупость, почти предательство – она встречалась с бывшим любовником, и мало того, разговаривала с ним и думала о нём. И в её сознании крутились такие мысли и чувства, какие муж не часто мог в ней пробудить. А разве это не предательство? По отношению к нему, к себе, ко всему тому, что является её жизнью?

Ира отодвинула от себя полупустой бокал с остывшим чаем, потёрла висок, глаза закрыла и постаралась произнести ровным тоном:

– Всё хорошо. Я... работала. А сейчас сижу одна. – Сделала осторожный вдох и добавила: – Скучаю по тебе.

Он рассмеялся, и его смех заставил Иру похолодеть. Вроде бы ничего особенного, смех мужа, к которому она при-

выкла, который её радует, должен радовать, но сейчас этот звук показался ей чуждым.

– А как выставка прошла?

– Выставка?

А как она прошла? Кошмарный вечер.

– Очень хорошо. Было много... неожиданностей.

– В каком смысле?

– Ну... людей.

– А-а. – Миша снова хохотнул. – Но увидела, что хотела?

– О да.

– И она настолько прекрасна, как ты представляла?

Перед внутренним взором встала совсем не скульптура «Гера», а высокий брюнет в смокинге с таким знакомым насмешливо-надменным взглядом.

– Да.

– Я рад.

Ира зажмурилась, а потом даже склонилась к столу и прижалась лбом к прохладной поверхности.

– Я купил тебе подарок, – похвастал муж. И тут же заверил: – Тебе понравится.

Судя по голосу, Миша был бодр, рассказывал о подарке, точнее, всячески намекал, видимо, гордился собой за проявленную фантазию и инициативу, а Ира вдруг попросила, совершенно искренне и от души:

– Приезжай скорее.

Миша сбился на полуслове, помолчал немного, а потом

совсем другим тоном спросил:

– Малыш, что случилось?

Ира сжала руку в кулак и посмотрела на него. Удалось сглотнуть, и рыдать она вроде передумала. Тут же пошла на попятный.

– Ничего. Просто мне грустно... почему-то. – Выпрямилась и расправила плечи, но сделала это с трудом, будто непомерный груз держала. – Наверное, от одиночества. Не думала, что будет так тяжело. Ты давно не уезжал.

– Да, давно... Но я скоро приеду. Послезавтра. Или хочешь, вернёмся завтра?

Это «вернёмся» вернуло всё на свои места. Сразу вспомнилось, что Миша не один по Парижу гуляет, там ещё его родители, которые наверняка довольны проявленным к ним вниманием сына, и лишать их этого, из-за страхов и эгоизма невестки... только себе проблем в будущем наживать.

– Нет, Миш, ни к чему. – Даже деланно засмеялась, пытаясь мужа успокоить. – Я просто устала, вот и всё. Сейчас приму ванну, лягу пораньше...

– Лучше позвони Сьюзи и сходите поужинать. Не хандри в одиночестве.

Спорить она не стала, пообещала, что подумает, и отключилась. А снова оставшись в тишине, поняла, что на самом деле не может справиться с тоской. Подумала на самом деле позвонить Сьюзи, но при мысли, что придётся весь вечер слушать о новом увлечении подруги – об Алексе Ваге-

насе – затошнило. И в итоге просто взяла сумку и из квартиры вышла. Не собиралась далеко уезжать от дома, хотела свернуть к бару, в котором они с Мишей порой проводили вечера и встречались с друзьями, но увидев сверкающую вывеску, даже взгляда на ней не задержала, поехала в центр. Больше часа кружила по городу, без всякой цели, но суета и оживление лондонских улиц понемногу успокоили, а точнее помогли отвлечься. Ира даже пришла к выводу, что вот уже минут десять не вспоминала Лёшкино имя. О чём угодно думала – о муже, о родственниках, работе и клиентках, – но не о нём. И это было хорошим знаком. Даже позволила себе вздохнуть глубоко, окрестив этот вздох признаком облегчения и успокоения.

– Извините, у нас нет свободных столиков, – сообщила ей девушка-метрдотель в одном из ресторанов. Ира отстранённо улыбнулась ей в ответ.

– Я выпью вина в баре.

Ей нужен бокал вина, всего один, и посмотреть на людей, которые спокойно ужинают, у которых всё хорошо, и тогда она поедет домой, успокоенная тем, что земля не накренилась, жизнь идёт своим чередом, просто она покачнулась... А в масштабе всей планеты, что такое одна покачнувшаяся травинка?

Когда перед ней поставили бокал с «Пино Нуар», Ира сразу сделала пару больших глотков и от удовольствия даже зажмурилась. Удовольствие относилось не к вкусу вина,

она сейчас была не в состоянии распробовать хоть какой-то вкус, всё казалось ватным и неопределённым, но ещё полчаса назад она убедила себя в том, что после бокала вина вся её нервозность уйдёт в небытие, и теперь ждала этого с нетерпением. Сделала глоток, приготовилась к ощущению лёгкости, которое обязательно придёт уже в следующую секунду, развернулась на высоком стуле, чтобы взглянуть-таки на тех счастливичков, которые просто ужинают и получают удовольствие от еды и общения, а вместо «счастливичков» столкнулась взглядом с тем, кого хотела бы увидеть последним в этот вечер. То есть, увидеть больше не планировала, никогда.

Лёшка сидел за столиком в центре, в большой компании, от этого столика и шума было больше всего в зале, люди были заняты разговором, но достаточно лёгким, потому что постоянно слышался смех, и только один из гостей был серьёзен и смотрел на неё. В первый момент Ира даже чувство реальности потеряла. Попыталась припомнить название ресторана и его месторасположение, в надежде понять, как такое снова произойти могло. Сглазил её, что ли, кто-то? Попыталась выровнять дыхание и отвернулась. Но разве это могло спасти? Сердце, только недавно успокоившееся, снова заколотилось, бросило в жар, и кожей чувствовала Лёшкин взгляд, будто он уже рядом и касается её. Ира смотрела в бокал, на недопитое вино, а перед глазами белая пелена. Пальцы сжались с такой силой, даже показалось, что тонкое

стекло может лопнуть. И съёжилась, когда над её плечом возникла мужская рука, с уже знакомыми часами на запястье. Появилась, положила на стойку купюру, а Ира словно окаменела, не сводила глаз с лица барменши, которая с теплотой и отзывчивостью улыбнулась мужчине за Ириной спиной. Холодок по позвоночнику пробежал, когда почувствовала прикосновение, а потом негромкий голос:

– Пойдём, – и она поднялась. Оставила недопитое вино, не посмотрела на Лёшку, пошла к выходу, ощущая себя до безобразия пьяной, даже не до конца осознавая, куда идёт, тем более с ним.

Сколько минут прошло? Десять? И вот она снова не в себе, позабыты часы аутотренинга, когда убеждала себя, что ничего не случилось, и на её жизнь их встреча никак не повлияет. Она ведь была последней, и не повторится... А вот минуту назад Лёшка взял её за руку, и она судорожно вцепилась в его пальцы, а душа на разрыв.

– Всего доброго, – пожелали им на выходе, и Алексей даже что-то сказал в ответ. Ира услышала его голос, повернула голову и посмотрела в некотором недоумении. Всё это походило на безумный, невероятный сон, особенно его прикосновение – сильное и властное. Алексей в какой-то момент отпустил её руку и приобнял за талию. Они шли по улице, уходили всё дальше от её машины, но Ира и без того понимала, что на этот раз просто накричать на него и уйти в другую, какую-то свою, налаженную жизнь, не получится. И де-

ло не в Лёшкиной настойчивости и упрямстве, а в том, что она держится за его руку и это кажется безумно важным. Подумала о муже, но тут же эти мысли отбросила, чувство вины показалось непереносимым, и легче было его отключить. Опустить тумблер, будто свет выключить, а в темноте уже не так стыдно.

Алексей то и дело смотрел на неё, пытался заглянуть в лицо, будто сам не верил, что она идёт рядом и даже не спрашивает, куда он её ведёт и зачем. Впрочем, он и сам не знал. Встреч попадались люди, совершенно незнакомые, едва взглядом их удостаивали, и никого не удивляло, что они идут вместе, что Ира в какой-то момент придвинулась к нему, и он позволил себе обнять её и уткнуться носом в её волосы. Всё это было до безумия странно, неправильно и, наверное, никому из них по-настоящему не нужно, но в памяти постоянно всплывали знакомые образы, которые, как он был уверен, уже давно если не стёрлись, то поблекли и перестали быть чем-то важным и волнующим. А сейчас получается, что прошлая любовь, – или влюблённость, чёрт знает, что это было – не отпустит, и тяжесть в душе не пустая маета, всё это что-то значит. Что-то, что он почувствовал ещё вчера, заметив Иру в зале, совершенно случайно зацепившись взглядом за знакомое лицо. И помнил, как посмеялся над собой уже через пару секунд: знакомое лицо. Просто знакомое лицо? Одно из самых приятных воспоминаний его жизни – эта девушка на фоне моря и заходящего солнца, обнажённая

и принадлежащая ему.

Зашли в первый попавшийся бар, в наполненный звуками живой музыки полумрак, заняли столик в углу и едва взглянули на подоспевшую официантку. Ещё вино, и Ира вдруг поймала себя на мысли, что не смотрит на Лёшку. Он рядом, совсем рядом с ней сидит на узком кожаном диванчике, что-то говорит ей, точнее нащёптывает на ухо, она разглядывает янтарную жидкость в своём бокале, и его почти не слушает и не смотрит на него. Ей достаточно того, что он рядом, настолько рядом, что она чувствует его тепло, запах его одеколona, а алкоголь заставляет окончательно забыть о реальности. То, что они делают – безумие чистой воды. Но чувство такое, что они одни на всей планете. Темнокожая певица на сцене исполняет блюз, столики разделяют высокие перегородки, даже голосов посетителей почти не слышно – островок спокойствия. Снаружи, наверняка, вечернее оживление, а здесь тишина, и это позволяет расслабиться... потерять бдительность.

Ира голову повернула, взглядом с Алексеем встретиться не осмелилась, смотрела сначала на расстёгнутый ворот его рубашки, потом прошлась взглядом по его шее, к подбородку, а про себя удивлялась, почему он никак не может замолчать. Говорил о совершенных глупостях, она и не понимала половины, Лёшка будто убедить пытался – то ли её, то ли самого себя, что их встреча не может быть случайностью, тем более, если это произошло дважды. Значит, нужно по-

говорить, выяснить... неизвестно что ещё можно выяснять, но если есть, что сказать, то он готов выслушать. И даже не спорить.

В какой-то момент Ира улыбнулась, как раз после его слов о том, что он готов выслушать и принять всё, как есть, правда, Алексей её улыбки заметить не мог, Ира сидела, склонив голову к его плечу, больше не смотрела в зал и на певицу, сосредоточившись на собственных ощущениях. Таких острых и позабытых, когда от близкого присутствия другого человека, мужчины, чувства настолько обостряются, что ты будто звенишь от напряжения. И всё это лишь от звуков его голоса, запаха, едва ощутимых, порой и случайных прикосновений. И хочется закрыть глаза и просто наслаждаться этим, и пусть тебя трясёт от напряжения и ожидания, но когда ты долго этого не чувствовала, это тоже наслаждение.

– Ты не слушаешь меня, – обвинил он её.

Ира вздохнула, глаза открыла и едва заметно покачала головой.

– Ты меня не слушаешь, – повторил Алексей, уже без обвиняющей нотки, руку поднял и положил ладонь на Ирину щёку.

Она всё-таки посмотрела ему в глаза, всего секунду, потом щекой о его ладонь потёрлась, с чувством полной опустошённости. Не стало ни чувства вины, ни осторожности, ни мыслей о завтрашнем дне, в котором его уже, без сомнения, не будет, и она останется наедине с совершённой ошиб-

кой. Но сейчас...

Поцелуй с первой секунды был неистовым и жарким, и оба были уверенны, что он и должен быть таким. Ира придвинулась ещё ближе и обняла Алексея за шею, пальцы вцепились в воротник его рубашки, смяли его безжалостно, но когда запутались в Лёшкиных волосах, были нежны и ласковы. Вместо того, чтобы думать о последствиях, её с головой накрыли воспоминания о том, как трудно и болезненно она отвыкала от него. Как не спала ночами, плакала, уткнувшись в подушку, и заставляла себя не думать, возненавидеть, но как мечтала о ещё одном поцелуе. Вот о таком, как сейчас, упоительном и заставляющем потерять голову. Она даже задохнулась, когда он отстранился, зажмурилась, пытаюсь сдержать дрожь, когда Лёшка прижался губами к её шее, и сходила с ума от понимания того, что это он. И плевать на завтрашний день, на людей вокруг, она не в состоянии его оттолкнуть.

– На нас официантка смотрит.

Ира смотрела на его губы, и только зажмурилась на мгновение, когда Лёшка её по волосам погладил.

– Ириска...

Она головой покачала.

– Не говори ничего, пожалуйста. Ты всё испортишь.

Он криво улыбнулся.

– Наверное. – Обвёл пальцем её нижнюю губу, и снова поцеловал.

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра.

Она опустила глаза, потом кивнула.

– Хорошо.

Алексей не ответил. Знал, что это на самом деле хорошо, или по крайней мере к лучшему, но рассуждать об этом не хотелось. После её поцелуя, здесь, в интимном полумраке, пытаюсь поймать её взгляд, говорить о том, что ему надо к жене и сыну, к делам и обязанностям, разве это не кощунство?

Ира вздохнула, и он невольно опустил взгляд к её груди в вырезе блузки.

– Если бы ты знал, как я хочу в Москву.

Это была не жалоба, не просьба, эти слова сами вырвались, а Ирины пальцы прошлись по его щеке в мимолётной ласке.

– Я недавно из Москвы. От меня пахнет Москвой? – попытался пошутить он.

А она ответила немного отрешённо:

– От тебя пахнет тобой.

Ответ простой и прямой, и Алексей совсем не ожидал такой честности, и она ударила по нервам, тело налилось жаром и тяжестью, а его пальцы, до этого поглаживающие её запястье, сжались.

– Я тебя хочу.

Ему показалось, что она испугалась, всего на секунду,

но встрепелулась, потом посмотрела на него, прямо и открыто, и с нажимом проговорила:

– Ты уедешь завтра, Лёша.

– Уеду, – повторил он за ней, то ли обещая, то ли просто соглашаясь.

По дороге в отель Ира чувствовала себя странно спокойной. Позже, вспоминая себя в тот вечер, пришла к выводу, что ей каким-то образом удалось отключить сознание, а вместе с ним и чувство вины. Она не была собой, не была женой и чьей-то там невесткой, она снова вернулась в лето пятилетней давности, когда не было ничего важнее этого мужчины. Она смотрела в его глаза и помнила себя именно той, готовой на всё и влюблённой. Боже, как давно она не чувствовала себя влюблённой и безрассудной. Как давно она не чувствовала себя настолько живой. Она ни на мгновение не отпускала его от себя, подсознательно понимая, что как только выйдет из зоны его влияния, всё и закончится. Она опомнится, испугается и сбежит. И если разумом понимала, что сбежать надо, то руки сами по себе цеплялись за него, и даже когда Лёшка получал ключ от своего номера на ресепшине, Ира продолжала держаться за его локоть.

Слабовольная, предательница и изменщица. Она портит свою жизнь прямо в этот момент, и знает, что никогда не простит, и забыть измену не сможет, единственное, на что можно надеяться, что сможет притвориться, что этой ночи никогда не было. Она ведь любит мужа, правда, любит...

Вот только страсть, с которой она ответила на Лёшкин поцелуй, говорила о другом: о том, о чём думать было неправильно. В этот момент думать вообще ни о чём не хотелось. Она целовалась в лифте со своим Лёшкой, и всё остальное враз стало неважным и далёким. Стало немного больно, когда он навалился на неё и вжал в стену. Ира отвечала на его поцелуи, а пальцы пробежались по его груди, на пару секунд вцепились в лацканы его пиджака, а затем поднялись к Лёшкиным щекам. Они были горячими и немного колючими, и Ира даже застонала негромко от остроты ощущений. Алексей прижал её к себе крепче, и Ира выгнулась ему навстречу, обняла за шею, но в следующий момент лифт дёрнулся и остановился. Двери стали открываться, и она в некоторой панике поняла, что в лифт вот-вот зайдёт кто-то ещё. Увернулась от Лёшкиных губ, увидела мужчину и женщину в годах, респектабельная пара, и на них, слившихся в недвусмысленном объятии, те взглянули с явным неудовольствием. Ира, вспомнив о приличиях, попыталась расцепить мужские руки, крепко обхватывающие её за бёдра, но Алексея, кажется, присутствие посторонних мало волновало. Он только на неё смотрел, и взгляд с поволокой, тёмный и такой знакомый, болезненно знакомый. Ира ответила ещё на один короткий поцелуй, не зная, как дожидаться момента, когда они смогут из лифта выйти. А потом просто обняла Лёшку, глаза закрыла и посоветовала себе сосредоточиться на своих чувствах и желаниях. Что ей до мнения людей, которых

она не знает и никогда больше не встретит? А этот вечер, эта ночь без сомнения станут единственными.

Оказавшись в номере, позабыв включить свет, они замерли в полутьме, не в силах разжать рук и отступить хотя бы на шаг. Алексей прислонился лбом к Ириному лбу и с необъяснимым удовольствием ловил её взволнованное дыхание. Не целовались, молчали и только дышали в унисон. Алексей руками по её спине водил, и раз за разом втягивал носом аромат тонких духов.

– Ты вспоминала меня? – Он приподнял пальцем её подбородок, словно мог увидеть выражение её глаз. Ира хотела отвернуться, Алексей почувствовал её лёгкое сопротивление, и его пальцы сжались чуть крепче, не позволяя ей воспротивиться, и тогда наклонился и снова поцеловал её. Поцелуй не был обжигающим и неистовым, как совсем недавно. Его губы были мягкими и дразнящими, и Ира снова сдалась. В который раз за этот вечер. С губ сорвался лёгкий вздох, Алексею показалось, что немного недовольный. А потом она соврала. И это было настолько явно, она даже скрыть не старалась.

– Нет, – сказала Ира.

Он улыбнулся её попытке солгать, хоть и невесело.

– А я вспоминал.

Ира сделала попытку вывернуться из его рук, но он решительно вернул её на место, и прижал к себе с такой силой, что у неё вырвался короткий стон. Лёшка был возбуждён,

и это явственно чувствовалось. Ира машинально вцепилась в его плечи, и глаза закрыла, почувствовав его губы на своей шее. Мужское дыхание обжигало, пальцы дрожали, а мысли окончательно спутались. Лёшка целовал её всё требовательнее, что-то на ухо ей шептал, а она в волосы его вцепилась, растворяясь в его ласках.

– Помню, какая ты красивая была, – выдохнул он ей в губы. – И как я хотел тебя тогда. Я всегда тебя помнить буду, Ириска.

На одну секунду стало до слёз обидно. От его слов, от его признаний. Он хотел её? Сильно хотел? Настолько, что не забудет? Вот только тогда он её бросил, он променял всё, что чувствовал к ней, что она чувствовала, у него нашлись обстоятельства поважнее. И сейчас они есть, эти проклятые обстоятельства, именно поэтому он завтра уедет и не вернётся. А она опять останется...

Господи, что она делает?

Но вместо того, чтобы оттолкнуть, сама к нему прижалась, распаяя его ещё больше своей близостью, грудью об него потёрлась, так, как он любил, а ведь она это отлично помнит, и с небывалым ликованием приняла его горловой нетерпеливый стон. И начала расстёгивать пуговицы на его рубашке. Пальцы тряслись, судорожно сжимались, но безумно хотелось дотронуться до Лёшки. Коснуться его кожи, губами прижаться.

– Поцелуй меня. Лёша, поцелуй.

Она была такой, как он помнил. Мягкая, ароматная, кожа, как бархат, при этом обжигала его своими ласками. Её пальцы, поначалу дрожащие от волнения и, наверное, от одолевающих её сомнений, вскоре стали нежными, а прикосновения дразнящими. Алексей голову совсем потерял, просто повалил Иру на постель, нетерпеливо дёрнул с её груди кружевную комбинацию и скользнул губами по ложбинке, а когда втянул в рот сосок, Ира задохнулась и выгнулась ему навстречу.

— Лёшенька. — Её пальцы запутались в его волосах, потом потянули и Алексей поторопился приподняться над ней, чтобы снова поцеловать. Целоваться с ней было особым удовольствием, словно пять прошедших лет долой, и он снова молодой, почти свободный, переполненный мечтами и надеждами, такой, каким Ира его знала. То есть, думала, что знает.

Несмотря на пьянящие поцелуи, приносящие обоим такое удовольствие, терпение как-то быстро закончилось. Губы стали непослушными, дыхание обдавало жаром, и Ира думать забыла обо всех сомнениях. Ногти сами впивались в Лёшкины плечи и спину, воздуха не хватало, а когда он вошёл в неё, нетерпеливым рывком, показалось, что и рассудок помутился. Она стонала, подгоняла его, то гладила, лаская, то снова вцеплялась в него ногтями и хоть отвечала на лихорадочные, порой болезненные от его несдержанности поцелуи, но как-то вскользь, уже не осознавая свои действия. Го-

стиница, незнакомый номер, постель, которая видела много гостей и пережила много страстей – обо всём этом оба благополучно позабыли. Это был голый секс, никакой сдержанности и даже особой нежности в происходящем не проскальзывало. Необходимо было вспомнить, необходимо было получить удовольствие, именно от близости с этим человеком, и поэтому никакие запреты не работали. Звуки, которые наполнили гостиничный номер, смутили бы любого, это были звуки нетерпения и долго сдерживаемого желания, и это желание требовало немедленного удовлетворения. Ире показалось, что Лёшка её уже не целует, а кусает, его руки были везде, а она лишь подавалась ему навстречу, обхватила его ногами, подгоняя удовольствие. Она даже о нём не думала, только о себе, переполненная жаром, и, чувствуя, что низ живота раз за разом сводят сладкие судороги, которые становились всё острее. Пальцы Алексея до боли впились в её бедро, он навалился на неё всем своим весом, вжал в матрас, и двигался сильно и быстро, рывками. И каждый его толчок отзывался у Иры внутри невероятной по своей силе и удовольствию дрожью, от этого и хотелось кричать, и она кричала, почти кричала, не узнавая собственный голос. А когда силы кончились, когда перестало трясти, и туман перед глазами рассеялся, бессильно раскинулась на постели, неотрывно глядя в Лёшкино лицо, на вспотевший лоб и искажённый накрывшим его удовольствием ртом. Обняла, когда его затрясло, улыбнулась, услышав стон, почти рык, удовлетворённого

мужского начала, а её кости, кажется, затрещали, когда он сжал её в последнем рывке. И он не отстранился, не скатился с неё, торопясь избавить её от тяжести своего тела, так всегда делал Миша. Лёшка же уткнулся носом в её шею, немного подышал, стараясь справиться с дыханием, а потом его губы снова заскользили по её шее, лениво и приятно. Ира чувствовала, как стучит его сердце, настолько крепко они друг к другу прижимались, оно барабанило с невероятной скоростью и силой, а сам Лёшка был разгорячённый и вспотевший. Всё так, как она помнила. Ира лежала под ним, обнимала его за плечи, и смотрела в потолок, на тени, которые отбрасывал витражный абажур ночной лампы. Сознание было чистым, ничем не замутнённым. Чувствовала, что Лёшка ещё внутри неё, и двигаться не хотелось. Не двигаться, не дышать, затаиться. Чтобы не спугнуть мгновение спокойствия.

Алексей наконец поднял голову от её плеча, несколько секунд вглядывался в её глаза, потом поцеловал. Тёплым, приятным поцелуем. Потёрся носом о её нос.

– Это было здорово.

Здорово? Хороший комплимент за их измену супругам.

Не хватало только расклеиться и показать ему свою слабость, свои сомнения, которые возвращались ударами ножа по сердцу. Поэтому и попросила резче, чем хотела:

– Может, ты с меня слезешь?

Алексей лишь моргнул, а в глазах мелькнула насмешка.

– Я тяжёлый?

Ира попыталась двинуться под ним, и тут же ощутила внутреннюю дрожь. Лёшка вздёрнул брови, якобы не понимая, откуда взялся её сдавленный стон, а сам сильнее прижал её к постели.

– Лёша...

– Что? – Он перехватил её запястья, не позволяя вырваться, недолго любовался её беспомощным положением, а Ира в этот момент не знала, как избежать его прямого взгляда. – Скажи, что хотела.

– Я хотела... – Всё-таки посмотрела ему в глаза и повторила, как можно решительнее. – Я хочу, чтобы ты с меня слез. Мне на самом деле тяжело.

Лёшка вздохнул на показ и с неё наконец слез, точнее, перекатился на бок и устроился рядом, подперев голову рукой. Принялся её разглядывать. Ира полминуты терпела, потом пошарила рукой по кровати. Лежали они на покрывале, даже не подумав постель разобрать, и теперь ей прикрыться было совершенно нечем, кроме собственных трусиков, которые вряд ли бы что-нибудь скрыли. Лёшку собственная нагота не смущала, а вот Ира, после минутного размышления, прикрыла грудь рукой. А на Алексея прикрикнула.

– Не пялься.

Он улыбнулся. Кажется, у него было не на шутку хорошее настроение. Взгляд с её лица сместился ниже, прошёлся по ладони на груди и устремился ещё ниже. Ира не выдержала и свободной рукой закрыла ему глаза. Лёшка рассмеялся.

Искренне и от души, как раньше. Ира торопливо сглотнула, пока он не видел, а потом села, по-прежнему прикрываясь рукой. Если честно, не знала, что дальше делать. Встать и уйти? Повторять ошибки – чересчур глупо. Но медлила, и Алексей этим воспользовался и снова до неё дотронулся. Провёл пальцем по её спине, по позвоночнику вверх, и тело, опьянённое недавним удовольствием, тут же откликнулось приятной дрожью. Ира вздохнула и убрала волосы с лица, и тут же почувствовала, что Лёшка принялся наматывать одну прядь на свой палец. Не спеша, почти ласково, играючи, но потом потянул.

– Ира.

Она промолчала, просто не знала, что ему сказать.

– Мне нравится, что ты волосы завиваешь. Тебе идёт.

– С комплиментами ты запоздал, тебе не кажется?

– Никогда не поздно сказать красивой женщине, что она красивая.

Ира лишь улыбнулась, хотя повода для веселья не нашла даже после минутного обдумывания. Лёшка не меняется, дамский угодник. А она в который раз попала на красивые слова и ещё более красивые глаза. Посмотрела на него. Хотела на тёмные с поволокой глаза полюбоваться, но не удержалась и окинула всю картину в комплексе. Сердце нехорошо сжалось, а щёки зашипало от непрошенного румянца.

– Ирка...

Она предприняла попытку слезть с кровати, но Алексей

успел перехватить её рукой поперёк живота и подтянул её обратно, ближе к себе. Ира запаниковала. Рукой в его грудь упёрлась, но сопротивления хватило ровно до того момента, как Лёшка обнял её и горячо зашептал ей на ухо:

– Ты же не убежишь? Ты обещала мне эту ночь. Только одну ночь, а завтра...

Завтра всё вернётся на свои места. Она знала это без его напоминаний и увещеваний. Решившись в одну секунду, она сама его поцеловала и повалила на постель. Она уже прошла точку не возврата...

Пробуждение ничего хорошего не принесло. Ира открыла глаза, поморгала, но прежде чем смогла сфокусировать взгляд на чём-то определённом, уже резко села, обожжённая мыслью о том, как она провела эту ночь. И это на самом деле была ночь, которая закончилась только тогда, когда за окном начало светать. Они занимались любовью, как одержимые, почти не говорили, потому что сказать уже было нечего, зато не размыкали рук и не переставали целовать друг друга. Наверное, именно поэтому Ира и сейчас губ не чувствует. А если вспомнить, что ещё она этими губами делала...

Чёрт, чёрт. Это не просто измена, это предательство, если вспомнить с каким упоением она отдавалась другому мужчине, не мужу.

Осторожно повернула голову, посмотрела на Лёшку. Он спал на животе, обняв подушку, и даже не пошевелился, когда она проснулась и подскочила на кровати. Ира уставилась на его спину, на приоткрытые из-за съехавшего одеяла ягодицы, и даже закусила до боли сгиб большого пальца, вот до чего захотелось заорать от отчаяния. Кое-как пригладила спутавшиеся волосы, потом нашла взглядом часы. Двенадцать? Обалдеть.

Надо уходить.

Надо убегать, уносить ноги, что угодно, лишь бы сделать

это до того, как Лёшка проснётся. С кровати встала и замерла ненадолго в нелепой позе, оценив какой ноющей болью отозвались мышцы. Вот она расплата. Правда, это ещё не расплата, это только едва слышимые отголоски надвигающейся бури. В ванной провела от силы пару минут. Умылась, глянула на себя в зеркало, про себя ужаснулась и кое-как причесалась Лёшкиной расчёской, которая для её длинных вьющихся волос совсем не подходила, но нужно было хотя бы постараться придать себе приличный вид. Хорошо хоть для приличного вида не обязательны трусики, которые она так и не нашла, ни в спальне, не в ванной комнате. Даже под кровать заглянула, беззвучно чертыхаясь и то и дело поглядывая на мужчину на постели, что спал без задних ног. Или ей казалось, что он спит? Выдернула из-под одеяла комбинацию, второпях надела юбку и дёрнула молнию наверх. Нервничала ужасно. Смотрела и смотрела на Лёшку, внутри была возмущенна и раздосадована совершенной ошибкой, ужасалась собственной безрассудности и ругала за безволие, но знала, что её взгляд до безобразия жаден и настолько же отчаян. Теперь она уходила от него. Он проснётся, а её нет.

Интересно, что он почувствует? Наверняка, того ужаса и безысходности, что ощутила она после его ухода, не испытает. И в этом заключается отсутствие справедливости в этом мире.

– Ир.

Не вовремя он проснулся, ох не вовремя. Ей осталось за-

стегнуть пару пуговиц на блузке и покинуть этот злосчастный номер. А Лёшка на спину перевернулся, лицо рукой потёр и зевнул. И после этого уже на Иру посмотрел. Окинул взглядом и нахмурился, глянул за окно.

– Уходишь?

– Уже первый час, Лёш.

– Серьёзно? – Он взял будильник, бессмысленно таращился на циферблат, потом вернул часы на место. Сел, локтями в колени упёрся, потёр бровь. Вид был не радостный, но Ира уверяла себя, что её это не волнует. Ночь кончилась, а иллюзии не исчезли, их просто не было. – Ирка, не уходи так.

– А как? Как, вообще, нужно уходить? Поцеловать тебя на прощание и выпорхнуть за дверь?

Алексей волосы взъерошил и вздохнул.

– С тобой это выглядело бы глупо.

– Даже не знаю, воспринять это как комплимент или как оскорбление.

– Как комплимент.

– Хорошо, так и сделаю.

Её тон был сухой, и она сама это осознавала. Но посмотреть на него напрямую не могла. Посмотрит и вдруг дрогнет? А кому это нужно? Для Лёшки это в первую очередь стало бы проблемой. Поэтому нужно просто уйти.

Блузка была заправлена за пояс юбки, нервными движениями и кое-как, а от неотрывного Лёшкиного взгляда, направленного ей в затылок, Ира всё больше нервничала. А по-

том застыла, услышав, как кровать скрипнула, когда он решительно поднялся. Его не волновала собственная нагота, приличия, Алексей подошёл, положил ей руки на плечи, и Ира дыхание затаила.

– Ир. – Лёшка ткнулся носом в её волосы, ладони сдавили её плечи, не сильно, но достаточно для того, чтобы у Иры душа в пятки ушла. – Ты чувствуешь раскаяние, я прав?

Она попыталась освободиться от его рук. Повела плечами, отступила на шаг, но этот шаг был настолько мал, что Алексей, кажется, даже не заметил этого манёвра. А от его следующих слов, она внутренне дрогнула.

– Я приеду в следующем месяце.

Ира развернулась, резко и совершенно позабыв о том, что Лёшка перед ней голый стоит. Подняла глаза к его лицу и решительно покачала головой.

– Нет, не смей мне звонить.

Его губы сжались в тонкую линию, и он даже недовольного вздоха не сдержал.

– Ира... – Алексей пальцем приподнял её подбородок, но она тут же увернулась от его руки.

– Я не буду изменять мужу. С меня довольно... и этой ночи. – Она машинально ухватила за его руку. – Лёша, пожалуйста... Не порти всё.

Он смотрел ей в глаза, заметно хмурился, но спорить не стал. Не кивнул, не согласился, не возразил, просто молча смотрел на неё. И пока он смотрел, она уходила. Взяла сумку,

прятала от него глаза, секунду помедлила у двери, но обернуться так и не решилась. Не хотела смотреть на него. Голого. Как он стоит, уперев руки в бока, а в глазах откровенное недовольство.

Ира шагнула в коридор, захлопнула за собой дверь номера, и, стараясь не думать о том, что натворила этой ночью, зашагала к лифту. Правда, в какой-то момент, на одну короткую секунду, ей захотелось вернуться к Лёшкиному номеру и забарабанить в его дверь, просто для того, чтобы выпустить наружу душившую её злость. Вот только злилась она не на любовника, а на себя. И до ужаса боялась завтрашнего дня. Когда муж вернётся домой, а ей нужно будет смотреть ему в глаза, улыбаться и любить его. Любить беззаветно, без всякой тени сомнения. Как и положено жене.

Оказавшись на улице, её ослепило солнце. Яркое, беззаботное, Ира зажмурилась, затем перевела дыхание и направилась по улице в сторону стоянки такси. Так запросто сообщить, где же она вчера оставила свою машину, не смогла. Шла по улице, надеясь, что её внутреннее состояние ничем не выдаётся, хотя думать могла только о том, что идёт от любовника, и на ней даже трусиков нет. Распутная, безвольная, забывшая о том, где и рядом с кем её место. А ещё пугала мысль о том, что Лёшка может не послушать её и позвонить. Вдруг у неё снова не хватит силы воли сказать ему «нет»?

Нет уж, хватит. Ей и без того угрызений совести до конца жизни хватит.

Всё кончено. Раз и навсегда. Она покончила с Алексеем Вагеноасом.

Оказавшись дома, затеяла уборку. Лучшего средства от гнетущих мыслей, ещё не придумали. Для начала избавилась от одежды, в которой вчера вечером из дома уехала. Безжалостно выкинула вещи в мусорный бак, с грохотом водрузила сверху металлическую крышку и гордо удалилась, не забыв хлопнуть входной дверью. Вот так. Уничтожить все следы, а уже после заняться воспоминаниями. Против них как раз и помогают домашние дела. Ничего более несексуального нет. Так её муж говорит. Ира с азартом натирала полы, прошла с пылесосом по всем углам и залезла под каждый диван, поменяла шторы в гостиной и сменила постельное бельё. Вот вернётся завтра Валентина Александровна, и упрекнуть невестку ей точно будет не в чем.

Когда телефон зазвонил, вздрогнула, и замерла с треклятыми шторами в руках, прижав их груди. Стояла на стремянке, смотрела сверху на свой мобильный, лежащий на диванной подушке, и призывно мигавший дисплеем. Первой, наверное, предательской мыслью было: Лёшка звонит. Не послушал, не захотел понять, ему вообще наплевать на её чувства и желания – и звонит. Сердце забилось, руки задрожали, но уже через несколько секунд смогла рассмотреть фото, высветившееся на телефоне, и вздохнула. Вроде бы с облегчением, но на самом деле, где-то глубоко внутри, на самом дне души, всколыхнулось разочарование. Не он, Сьюзи.

Губы скорбно поджались, Ира осторожно повернулась к окну, но пальцы до сих пор стискивали ткань штор. Решила, что её острая реакция на звонок – перевозбуждение и нервозность. И даже подступившие слёзы на это списала. Не захотела разговаривать со Сюзии, побоявшись, что не найдёт слов, да и с голосом вряд ли справится. Но сердце просто разрывалось. Постоянно вспоминала последние слова, которые они с Лёшкой сказали друг другу.

– Я приеду.

– Не смей мне звонить.

Не смей, не смей звонить! Приезжать, звонить, напоминать о себе.

– Чёртовы шторы, – разозлилась Ира, и кинула их на пол. Руки устали их держать, коленки тряслись, и ничего больше не хотелось. Только зарыдать.

Это было неправильно, стыдно, плакать не из-за мужа, а из-за любовника, но она рыдала взахлёб, не в состоянии вспомнить, когда делала это с таким упоением. Когда её Лёшка бросил? А теперь она его бросила. Ушла и даже не оглянулась напоследок. Оставила его голого посреди гостиничного номера.

Так ему и надо.

– Куда ты пропала? – удивлялась Сюзии на следующий день. – Два дня тебе дозвониться не могу.

– Работала, – ответила Ира, стараясь не вдумываться в собственные слова. Ночь выдалась бессонная, вторая к ря-

ду, между прочим, но никакой сонливости она не чувствовала. Ей было не до сна. И сейчас, готовя семейный ужин, ожидая возвращения мужа и его родителей, она снова нервничала, настолько, что от запаха еды, её любимого тушённого с овощами мяса, её подташнивало.

– Я думала, мы ходим по магазинам, побудем обе одинокими девушками, пока твоего мужа нет, а ты ударились в работу.

Вот именно, что ударились. Очень подходящее слово. Головой она ударилась, никак иначе.

– Извини, Сьюзи. – Ира попыталась придать своему голосу беззаботности. – Если честно, я вчера была такой уставшей... такой уставшей, что уснула прежде, чем вспомнила тебе позвонить.

– Миша вернулся?

– Нет ещё. Но жду их с минуты на минуту.

– Их? Ах да... – Сьюзи усмехнулась. – Он же с родителями приедет. Сколько ещё тебе «любить» свекровь?

Ира невольно поморщилась от её многозначительного тона.

– Не говори так.

– Да ладно. У меня тоже была свекровь... когда-то.

– Ты её любила?

– А то. До сих пор забыть не могу. Её сына забыла, а вот её...

Ира засмеялась, не смогла сдержаться.

– Думаю, со мной будет также.

Сьюзи помолчала, потом переспросила:

– Да?

Ира наконец поняла, что за глупость сорвалась у неё с языка, и от досады даже зажмурилась.

– В том смысле, что моя свекровь столь же... незабываема, в своём отношении ко мне.

– У тебя хоть муж хороший. – Сьюзи и не подозревала, что после этих слов Ира остановилась и закрыла глаза, будто собирая все силы в кулак. – А вот мне не везёт, так не везёт. На меня даже стопроцентные бабники не клюют. Ира, он так и не позвонил, хотя и взял мой номер.

– Кто? – спросила она, хотя отлично знала, кого подруга в виду имеет. Только подумала о нём, и под ложечкой как по заказу засосало, и это ноющее чувство она назвала стыдом, хотя оно сильно смахивало на тоску.

– Вагенас. – Сьюзи не притворно вздохнула. – А я ждала. Два дня ждала.

– Он наверняка уже уехал, – проговорила Ира через силу.

– Знаю. – Сьюзи помялась и добавила многозначительным шёпотом: – Я узнавала в отеле.

Вот это Иру удивило.

– Правда?

– Да. Дура я, да?

Не больше, чем я, подумала Ира. Не сдержавшись, кинула ложку в раковину, и та жутко загремела.

– Что это? – тут же переспросила Сьюзи.

Ира нетерпеливо махнула рукой, словно подруга её видеть могла.

– Я кое-что уронила.

– Ты нервничаешь?

Ира остановилась посреди кухни, приложила ладонь ко лбу, и ей самой показалось, что он невероятно горячий. Она нервничала. Безумно занервничала, услышав от подруги, что Алексей уехал. Из отеля, из страны... Его больше нет, и ей пора вернуться к привычному образу жизни.

– Если честно, Сьюзи, мне сейчас не слишком удобно разговаривать. Они приедут с минуты на минуты, а у меня... – Она обвела кухню растерянным взглядом. – У меня ничего не готово.

Услышала, как Сьюзи понимающе усмехнулась.

– Тебе медаль надо, дорогая, – сказала она и отключилась, а Ира вздохнула. Точно, ей медаль надо, за любовь и верность.

Следующие двадцать минут постоянно смотрела в окно. Миша с родителями задерживались, непонятно почему, но позвонить мужу и задать простой вопрос: «Любимый, когда ты будешь дома?» смелости не хватало. А уж когда увидела подъехавшую машину, застыла, с колотящимся сердцем, впилась ногтями в ладонь, а подумала почему-то о Лёшке. На каком расстоянии он сейчас от Лондона, словно от этого могла зависеть степень её вины перед мужем.

Главное, не уворачиваться от его взгляда. Главное, улыбнуться, казаться привычной и ни в чём не виноватой.

Ей никогда не удавалось хорошо притворяться. По крайней мере, Миша всегда замечал, когда она врала или пыталась от него что-то скрыть.

– Ира! Ириш, мы приехали!

Муж выкрикнул это едва успев открыть дверь, голос был радостным и даже нетерпеливым. А Ира, прежде чем выйти ему навстречу, помедлила за дверью кухни, взволнованно пригладила волосы, на мгновение сцепила до боли пальцы, сделала глубокий вдох, и тогда уже открыла дверь, мысленно приказав себе радоваться.

– Наконец-то, – выдохнула она, торопясь обнять мужа. На свёкра и свекровь бросила лишь один короткий взгляд, решив, что это вполне понятно и простительно, она ведь соскучилась по мужу. Обняла его крепко, почти испуганно прислушиваясь к собственным чувствам и накатившим эмоциям. Отстранилась и подставила губы для поцелуя.

– Заскучала одна, да? – рассмеялся Миша, погладив её по спине.

Ира улыбнулась, в последний момент увернувшись от его взгляда. Повернулась к его родителям, а когда Валентина Александровна протянула к ней руку, шагнула и в объятия свекрови, даже поцеловала ту в щёку.

– Как вы доехали? Задержались, я уже волноваться начала.

– В пробку на въезде попали, а так всё отлично.

– Очень долгая поездка, – будто и не слыша сына, проговорила Валентина Александровна, забирая из рук мужа свою сумку. – А уж граница!.. Я так переживала.

– Почему? – переспросила Ира, изо всех сил стараясь проявлять участие.

Пётр Валентинович многозначительно хмыкнул.

– Думала, нас обыскивать будут и непременно арестуют.

– Да типун тебе на язык, Петя. Что ты говоришь? – Валентина Александровна села на диван и вытянула ноги, вид у неё был усталый. Но рассказывать продолжила: – Я же ничего не понимаю, что они говорят. Вопросы мне задают, а я только глазами хлопаю. Ира, перед нами машину досматривали. Я сама видела, обыскивали!

Ира продолжала стоять и натянуто улыбаться, а как только Миша вновь появился в гостиной, уже без сумок с вещами, настороженно на него посмотрела. Сама не понимала, отчего насторожилась, но с нервозностью справиться не получалось. А он ещё подошёл к ней и обнял. Так запросто, будто ничего и не случилось за последние дни. Ах да, он же не знает, даже не представляет, что она натворила...

– Мама, пора уже успокоиться, – сказал он, и по его голосу было件нятно, что он улыбается. Обнимает её, прижимает к себе и улыбается. Всё, как всегда. В принципе. – Лучше расскажи Ире о Париже. Что тебе понравилось. Думаю, это ей будет куда интереснее.

Валентина Александровна заметно оживилась, к Ире повернулась и выдохнула:

– Ира, Париж великолепен!..

Вот так и прошли следующие три дня, в рассказах о потрясающем путешествии, которое им сын устроил. Валентина Александровна рассказывала, Петр Валентинович поддакивал, Ира слушала, а Миша радовался тому, что его не дергают, что мама нашла для себя отдушину и загружает любимую невестку, а не его. Он, вообще, в первый же вечер дома, смехом, пожаловался Ире на то, что его мама чрезвычайно энергичный и говорливый человек, а он, много лет не живя в отчем доме, признаться об этом позабыл. Ира в ответ промолчала, но в душе поднялось невероятное по своей силе раздражение. Она и раньше его чувствовала, практически всегда, когда общалась с родителями мужа, понимала, что это неправильное чувство, и отчаянно с ним боролась, хотела стать лучше, стремилась к этому, но в тот вечер и все последующие до отъезда родственников, оно ее попросту задушило. Скрывать эмоции и продолжать улыбаться, сносить замечания свекрови и что самое ужасное – объятия и поцелуи мужа, было очень трудно. Миша прикасался к ней, невзначай, без всякого намека на продолжение, а Ира замирала и ощущала ледяную стужу, которая все разрасталась и разрасталась внутри. Прошедшие дни совсем не успокоили и не принесли даже отголосков успокоения. Напротив, Ира все явственнее осознавала ужас случившегося. Она из-

менила мужу и теперь категорически не может смотреть ему в глаза. Не чувствует себя достойной его хорошего отношения. И даже больше – она его не хочет. Она всеми правдами и неправдами избегает близости с ним. А думала о том, как Лешка вернулся к жене. Как посмотрел ей в глаза, как поцеловал и что при этом почувствовал. Или его совесть очередная измена не слишком встревожила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.